

Фредерик
Лейн

ЗОЛОТОЙ ВЕК ВЕНЕЦИАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ЗАВОЕВАТЕЛИ, ТОРГОВЦЫ
И ПЕРВЫЕ БАНКИРЫ ЕВРОПЫ

Фредерик Лейн Золотой век Венецианской республики. Завоеватели, торговцы и первые банкиры Европы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878010

*Лейн Фредерик. Золотой век Венецианской республики. Завоеватели,
торговцы и первые банкиры Европы: ЗАО Центрполиграф; Москва;
2017*

ISBN 978-5-9524-5256-5

Аннотация

Фредерик Лейн – авторитетный американский исследователь – посвятил свой труд истории Венеции с самого ее основания в VI веке. Это рассказ о взлете и падении одной из первых европейских империй – уникальной в своем роде благодаря особому местоположению. Мореплавание, морские войны, государственное устройство, торговля, финансы, экономика, религия, искусство и ремесла – вот неполный перечень тем, которые рассматривает автор, представляя читателю образ блистательной Венецианской республики. Его также интересует повседневная жизнь венецианцев, политика, демография и

многое другое, включая мифы, легенды и народные предания, которые чрезвычайно оживляют сухой перечень фактов и дат.

Содержание

Предисловие	6
Вводная часть	9
Глава 1. Истоки	9
Первые венецианцы	11
Торговля и речная навигация	17
Поворот к морю	22
Глава 2. Город-порт и его население	27
Слияние общин	27
Безопасная гавань	37
Численность населения и чума	41
Завоевание власти на море	49
Глава 3. Поддержание порядка и пиратство на Адриатике	49
Глава 4. Победы за морем и в Романии	66
Первые крестовые походы	66
Четвертый крестовый поход	77
Империя военно-морских баз	92
Устройство морской державы	98
Глава 5. Корабли, их экипажи и команды	98
Корабли и навигация	99
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Лейн Фредерик
Золотой век Венецианской
республики. Завоеватели,
торговцы и первые
банкиры Европы

*Посвящается Харриет Мирик Лейн, нашим
детям и их детям*

© ЗАО «Центрполиграф», 2017

Предисловие

Цель данного труда заключается в том, чтобы по возможности раскрыть характер и судьбу тех людей, благодаря которым сложилась и развивалась Венецианская республика. В книге большое внимание уделено морским перевозкам, финансам, развитию промышленности и экономике в целом, однако не остались без внимания и другие стороны жизни венецианцев. Рассказано о политике, влиятельных личностях, условиях окружающей среды, демографии, художественных промыслах. К сожалению, в однотомное исследование невозможно вместить все. Ключевым аспектом книги стало мореплавание, поскольку море сыграло важнейшую роль в развитии социальной структуры Венеции и в судьбе города.

К радости поэтов и политиков, с Венецией связано множество мифов и легенд. Одни касаются отдельных личностей и весьма живописны; другие, по сути своей, относятся к венецианскому обществу в целом. В них либо прославляются венецианские свободы, мудрость и добродетель, либо, наоборот, обличаются тирания, вероломство и пороки. Я не ставил перед собой цель подробно разобрать все мифы о Венеции, их слишком много. Так, вы не найдете в книге даже знаменитой легенды, согласно которой город якобы основали беженцы, спасавшиеся от гуннов Аттилы! И при этом я не пытался целиком «очистить» повествование от мифов. В ис-

торическом исследовании невозможно дистанцироваться от фольклора, не обеднив при этом описания. Народные предания чрезвычайно оживляют сухой перечень фактов и дат.

Допускаю, что одним читателям больше пришелся бы по душе подробный пересказ старинных легенд; с их помощью древние венецианцы словно оживают, становятся объемными. Других куда больше привлекают рассказы о религиозных течениях, военных кампаниях и дипломатических маневрах. Подобные темы не обойдены в книге. И все же, надеюсь, внимание, которое я уделил прикладным искусствам и ремеслам, заложившим основу благосостояния венецианцев, а также рассказ о коммерческих и финансовых успехах жителей Венеции и повседневной политике ее властей также способствует тому, что читатели смогут в какой-то мере отождествить себя с гражданами и подданными города-государства.

Возможно, кто-то сочтет мои трактовки недостаточно новаторскими; многие взгляды являются традиционными. Поэтому заранее прошу прощения у любителей и знатоков истории Венеции за то, что покажется им повторением очевидных истин. При написании книги я в первую очередь рассчитывал, что она привлечет внимание всех тех, кто разделяют мое восхищение городом, выросшим около лагуны. Я хорошо помню слова Джорджа Линкольна Берра из Корнеллского университета, моего первого преподавателя истории: для того чтобы лучше понять те или иные события, важно привязать их к местности. У истории два глаза: хронология

и география. Я благодарен Эбботу Пейсону Ашеру, моему наставнику в Корнелле и в Гарварде, который пробудил во мне интерес к экономической истории, статистике и демографии. Надеюсь, его уроки помогли мне сделать книгу познавательнее.

Фредерик Лейн

Вводная часть

Глава 1. Истоки

В ряду многих рукотворных памятников Венеция стоит особняком. Издавна она считалась символом не только красоты, но и мудрого общинно управляемого капитализма. Самобытность обстановки, в которой строили венецианцы, способствовала уникальности их города и его неповторимому обаянию. Водное окружение внесло свой вклад и в формирование аристократических традиций свободы. По словам одного средневекового хрониста, Венеция была самым вольным из всех итальянских вольных городов. В ней не было других городских стен, кроме лагуны, не было другой дворцовой стражи, кроме рабочих с главной верфи, не было другого плаца для парадов и строевой подготовки, кроме моря. Преимущества местоположения способствовали развитию своеобразной экономики, в которой самым причудливым образом сочетались свобода и государственное регулирование. В этом смысле экономику Венеции можно сравнить с ее каналами и архитектурой.

Законы и обычаи, прославившие Венецию, возникли не сразу. В период с VI по XVIII век венецианцы жили достаточно обособленно. Если смотреть на двенадцать веков с

точки зрения средств существования, их можно разделить на три периода, которые во многом накладываются друг на друга; каждый из них продолжался около 400 лет. Примерно до 1000 года н. э. венецианцы ходили на своих небольших судах в основном по лагуне, а также поднимались по рекам и каналам в материковую часть Северной Италии. После 1000 года они стали мореплавателями, на своих парусных судах они торговали и сражались во многих частях Средиземноморья. Их интересы простирались от рек юга России до Ла-Манша. Позже Венеция стала городом ремесленников, чиновников и немногочисленных аристократов; город славился изделиями ремесленников, системой финансов и мудрым управлением.

Жизнь венецианцев примерно до начала XI века была и остается сравнительно неизученной. В 1000 году они одержали несколько побед в морских сражениях. Самым триумфальным и прибыльным оказался для них 1204 год, когда Венеция помогла крестоносцам завоевать Константинополь. Участие в Крестовом походе перевело Венецию в разряд великих держав; впоследствии ее история будет неразрывно связана со всеми переворотами и сменами власти на Средиземноморье. В последующие столетия моряки-венецианцы чрезвычайно укрепили благосостояние своей республики, воспользовавшись достижениями так называемых морской и торговой революций. Они преуспевали и в ратном деле, и в коммерции. Империи, расположенные по соседству с Венецией, возникали и распадались, а жители города-госу-

дарства избрали для себя форму правления, возбуждавшую зависть других стран.

В начале Нового времени многие средневековые общности размера Венеции вошли в состав растущих централизованных государств. Кроме того, развитие океанских торговых путей подрывало традиционные источники благосостояния. Однако Венеция, оставшись городом-государством, усовершенствовала свою особую форму правления, сохранила независимость благодаря искусству своих дипломатов и по-прежнему процветала, воспользовавшись новыми возможностями в торговле и особенно промышленности. К началу XVII века, когда венецианцы считались уже не столько моряками, сколько искусными ремесленниками, город достиг своего расцвета, став центром художественного творчества.

Для Венеции характерна многовековая преемственность в области общественных отношений и политики. Эта преемственность стала отражением самобытности венецианцев, благодаря которой они выделялись среди соседних общин и народов.

Первые венецианцы

Они становились особым народом постепенно. Земли на северной оконечности Адриатического моря, входившие в состав Римской империи, назывались Венецией. После рас-

пада Западной Римской империи, когда почти вся Италия, как и остальные западные провинции Рима, подпала под власть германских племен, побережье Венеции по-прежнему оставалось под властью Восточной Римской империи, и ее наместники назначались из Константинополя. Местным центром имперской власти, которая по-прежнему именовалась «римской» даже после того, как Восточную Римскую империю стало принято называть «византийской», был город Равенна, расположенный на некотором расстоянии к югу от устья реки По. В то время Венецианская лагуна, занимавшая более протяженную площадь, чем сейчас, простиралась от Равенны на север. Она не доходила до Триеста, нынешнего крупного адриатического порта, зато тянулась до Аквилеи, города, стоявшего у оконечности дороги, ведущей из Германии через Альпы. В древности Венецианскую лагуну охраняли от штормов песчаные отмели, так называемые лиди. И сегодня цепочка островов, отделяющих лагуну от Адриатики, носит название Лидо; острова славятся своими песчаными пляжами. Во времена Римской империи на островах отдыхали летом состоятельные жители расположенных неподалеку материковых Падуи и Аквилеи. Но жили там и аборигены. Они искусно лавировали на своих судах между отмелями, образованными наносами речного ила. В то же время благодаря общему подъему уровня моря, вызванному таянием полярных льдов, ходить под парусом в других частях лагуны было достаточно просто. Этких-то аборигенов и

можно считать первыми венецианцами. Именно они придумали, как выживать и зарабатывать на заболоченных низинах.

Их образ жизни в VI веке, до того как на них оказали большое влияние вторжения германцев, описал высокопоставленный римский чиновник Кассиодор. По долгу службы он посылал венецианцам письменные приказы: им вменялось снабжать съестными припасами крепость Равенна. Кассиодор идеализировал их простую жизнь почти так же, как какой-нибудь высокопоставленный нью-йоркский чиновник, вззирающий на трущобы с высоты Рокфеллеровского центра, идеализирует простоту и добродетельность первых поселенцев Новой Англии. Кассиодор восхищался искусством венецианских моряков, их домами на сваях, которые он сравнивал с морскими птицами, обитающими «то на море, то на суше», их кораблями, которые «вздвигались на волнах». «У вас в изобилии водится рыба, – писал он. – Вы не различаете богатых и бедных, пища у всех одинакова, дома похожи... никто никому не завидует, и потому все свободны от пороков, которые правят миром. Вы стремитесь превзойти друг друга лишь на солеварнях; вместо плугов и серпов вы работаете катками [для трамбовки соли в варницах], откуда и происходит вся ваша прибыль». На соль венецианцы обменивали все остальные продукты, «ибо, хотя, возможно, и есть человек, равнодушный к золоту, еще не родился человек, способный отказаться от соли, ибо без нее пища лишена вкуса».

Хотя Кассиодор, по-видимому, несколько преувеличивал дух равенства, царящий среди венецианцев, нет оснований сомневаться в том, что они действительно добывали соль, ловили рыбу и строили корабли. Тогда еще обширные наносы не создали дельту рек По и Адидже, отделившую Венецианскую лагуну от расположенной южнее лагуны Комаккьо. В античные времена в тех местах имелись заливы, которые Плиний Старший называл «семью морями». Задолго до того, как корабли венецианцев начали бороздить океаны, их называли «покорителями семи морей».

В 568 году, после вторжения лангобардов в Италию, в Венецианскую лагуну хлынул поток беженцев из прибрежных материковых городов. Люди состоятельные переселялись на острова, захватив с собой домочадцев и столько имущества, сколько они могли унести. В позднейших летописях и генеалогических древах знатность этих иммигрантов сильно преувеличивалась; потомки выводили род своих предков от знатных римлян с тем же рвением, с каким многие современные американцы стремятся отыскать своих предков среди первых колонистов, пассажиров «Мейфлауэра», «Ковчега» и «Голубя». Конечно, многие из беженцев, переселившихся в лагуну, в самом деле владели собственностью на материке. Согласно немногочисленным дошедшим до наших дней свидетельствам, например завещаниям и другим документам до 1000 года, состоятельные землевладельцы имелись и на архипелаге в лагуне. Свои земли они сдавали в аренду и полу-

чали плату натурой, например яйцами или курами. Отдельным богачам принадлежали внушительные стада крупного рогатого скота и свиней, табуны лошадей, а также виноградники, парки и сады. Солеварни и лучшие места для рыбной ловли также находились в частном владении. Археологи нашли на островах остатки примитивных стекольных заводов и дорогих каменных зданий. Рушится нарисованная Кассиодором идиллическая картина примитивного равенства!

Иммигранты расселялись на всех островах Венецианской лагуны. Беженцы из Падуи направлялись главным образом в Кьоджу и Кавардзере, образовавшие южную оконечность архипелага после того, как на месте так называемых «семи морей» возникла дельта По и Адидже. Другим центром притяжения стал остров Маламокко, расположенный примерно посередине архипелага. На месте того, что сегодня принято называть Венецией, в древности простиралась водная гладь со скоплением островков, называемых Ривоальто (Rivoalto – букв. «высокий берег»), впоследствии Риальто. Центром торговли в те времена считался остров Торчелло, который находился немного севернее архипелага Ривоальто. А на северо-востоке от Торчелло, благодаря беженцам из Аквилеи, возвысился город Градо. Среди беженцев находился патриарх – глава церковной провинции, охватывавшей всю Северо-Восточную Италию. И хотя в возродившейся Аквилее у патриарха Градо появились соперники, которых поддерживали лангобарды, он считался ординарием всех островов ла-

гуны.

Вся область от Кавардзере до Градо оставалась за пределами Лангобардского королевства и считалась непокоренной частью Римской империи. Наместники, присылаемые из Византии, обитали в Равенне или в Пуле на полуострове Истрия, то есть на противоположном берегу Адриатики. Подчиненные им военные представители в Венецианской лагуне назывались трибунами; лишь около 697 года в лагуне образовался отдельный военный округ, управлявшийся дожем. Вполне возможно, что первого дожа выбрали сами обитатели лагуны. И хотя позднейшие летописцы утверждали, что Венеция с самого начала была свободной и независимой, дож фактически был наместником византийского императора, а Венеция бесспорно считалась частью Византийской империи даже после 751 года, когда лангобарды захватили Равенну. Продолжительные и тесные связи с Византией отражены и в искусстве, и в обычаях Венецианской республики.

Верность Византии и независимость от материковой Италии подтвердились после того, как Лангобардское королевство было покорено Франкским государством. В 810 году Карл Великий послал своего сына Пипина завоевывать Венецию. Пипин напал на Маламокко и разграбил город, бывший тогда столицей области. Однако ему не удалось захватить в плен дожа, успевшего бежать в Ривоальто. Франки отступили в глубь материка. Позже византийский император, не желавший терять провинцию, прислал в помощь венецианцам

флот. Вскоре Карл Великий и византийский император заключили мирный договор, в тексте которого Венеция недвусмысленно объявлялась частью Византийской империи.

Скоро Венеция стала независимой на самом деле. Власть византийского императора постепенно слабела, а присягать на верность германским королям, принимавшим титул императора Священной Римской империи, который призван был освятить их власть и расширить сферу ее влияния, венецианцы категорически отказывались.

Торговля и речная навигация

До тех пор, пока венецианцы владели в основном мелкими судами, которые перемещались по лагуне или по близлежащим рекам, византийские императоры не видели в них угрозы для своих интересов. Торговый центр Торчелло вписывался в коммерческую систему Византии как источник продовольственных припасов и рынок сбыта для византийских товаров. Конкурирующая торговая система, располагавшаяся на противоположном берегу Средиземного моря, появилась после того, как арабы-мусульмане завоевали Сирию, Северную Африку и Испанию. Вследствие конкуренции византийских и арабских купцов значение Венеции росло. С ее помощью византийские товары находили сбыт в странах Западной Европы. Роль Венеции усилилась в особенности в IX веке, после захвата сарацинами Сицилии, а

также «пятки» и «мыска» Итальянского сапога. Венеция все больше превращалась в ворота Европы на границе с Левантом.

Венецианцы, живущие на границе двух миров, черпали прибыль, власть и художественное вдохновение и на византийско-мусульманском Востоке, и на латинско-германском Западе. За время многовековой независимости они превратились в весьма активных посредников между Востоком и Западом, но до 1000 года их роль оставалась относительно пассивной. Отдельные искусные венецианцы-мореходы пересекали Средиземное море, но в основном торговлю между Венецией и Левантом в те времена «держали» греки, сирийцы и другие народы Востока. Венецианцы ограничивались тем, что перевозили по рекам на север Италии товары, купленные на Востоке или произведенные на островах лагуны.

Звание «королевы Адриатики» и роль главного на севере Италии связующего звена между Востоком и Западом досталось Венеции не без борьбы. Во времена Кассиодора главными портами на Северной Адриатике считались Равенна и Аквилея. После войн с лангобардами эти города постепенно приходили в упадок, их место занимали города Венецианской лагуны. Город Комаккьо располагался ближе к Равенне, чем Венеция, и, кроме того, находился неподалеку от меняющего очертания устья По. Комаккьо мог бы стать главным торговым наследником Равенны. В отличие от Венеции город Комаккьо входил во владения лангобардов и Каролингов

и пользовался благосклонностью их властителей. Но в 886 году венецианцы напали на Комаккьо и разграбили его. После этого они получили контроль над устьями рек, ведущих на север Италии. Если бы Комаккьо победил Венецию и сохранил контроль над устьями Адидже и По, именно Комаккьо, а не Венецию, называли бы сегодня «королем Адриатики», а Венеция превратилась бы в неприметную деревушку в заболоченной части лагуны. Однако в упадок пришел город Комаккьо, который ныне славится лишь своими угрями.

Отправляясь за зерном, венецианцы доходили по реке По до самой Павии – древней столицы Лангобардского королевства. Лангобардским королям и королям из династии Каролингов венецианцы продавали предметы роскоши с Востока. Все богатые ломбардские монастыри открывали в Павии свои отделения, через которые монастырские власти закупили припасы и продавали излишки продовольствия. Кроме того, Павия находилась на пересечении важных торговых путей: с запада на восток и с севера на юг. Венецианцы выделялись среди прочих купцов тем, что привозили на продажу восточные благовония, шелка и специи. Среди предлагаемых ими товаров был даже знаменитый порфир – материя пурпурного цвета, шедшая на изготовление верхней одежды царственных особ и других важных персон. Жители других областей Италии считали венецианцев странными: они не сеяли, не жали, и весь хлеб им приходилось покупать. В обмен на хлеб они предлагали не только восточные, но и свои това-

ры: соль и рыбу. Даже среди ближайших соседей, живших на Истрии и в долинах Адидже, в Бренте, Пиаве и Тальяменто, венецианцы считались своего рода монополистами по этим продуктам.

Опасности, притеснения и преимущества, с которыми сталкивались венецианцы, передвигаясь вверх по течению рек, отражены в договорах, которые дожи заключали для защиты своих подданных. Верховную власть на материке удерживали потомки Карла Великого как императора Священной Римской империи. Сначала титул перешел к франкам, потомкам Карла Великого, затем к потомками Оттона. Позже титул императора Священной Римской империи получали избранные германские князья. Они даровали венецианцам право торговли в установленных пределах, облагали их умеренными налогами и обещали компенсацию в том случае, если купцов грабили. Особенно важным для венецианцев, передвигавшихся по рекам, считалось освобождение от средневекового обычая, согласно которому товар с судна, потерпевшего крушение, считался найденным кладом и переходил в собственность правителя области или того, кто первым захватит добычу. Из-за того, что берега часто меняли очертания, и из-за сильных течений суда часто садились на мель, поэтому некоторая юридическая защита в подобных случаях была весьма кстати. И все же сила закона была не так важна, как обстоятельства на месте происшествия, ибо власть императора оспаривали представители местной фео-

дальной знати и набирающие силу городские общины. Поэтому торговые баржи обычно ходили по рекам большими караванами. Подобный обычай существовал и в более поздние времена; в летописях сохранились упоминания о том, как караваны попадали в шторм, во время которого многие суда терпели крушение. В IX, X и XI веках передвижение по рекам в составе больших караванов стало еще более необходимым из соображений безопасности; торговым судам, так же как и военным, необходимо было вооружаться на случай нападения.

Все венецианские суда, даже речные баржи, подчинялись особым законам. В тех местах, где в лагуну впадали реки, ведущие в глубь материка, суда подвергались досмотру на специальных контрольных пунктах. Тех, кто вез запрещенные товары, штрафовали. Штраф накладывался и в том случае, если суда оказывались перегруженными. На каждое досмотренное судно ставили особую отметку, аналогичную современной грузовой ватерлинии. Ее место варьировалось в зависимости от ширины судна. Если отметка погружалась под воду, владельца штрафовали. Размер штрафа определялся расстоянием от линии до поверхности воды.

Благодаря таким законам на реках в основном действовали небольшие частные предприятия. Подрядчик, как правило, сам управлял судном и лично доставлял грузы в пункт назначения. От него требовалось доставить товары не на любом, а именно на указанном судне; сделать это лично, а не

посылать вместо себя замену; кроме того, подрядчик должен был оснастить судно запасной шлюпкой. Хотя нет нужды предполагать, что чаще всего в путь отправлялись команды в составе одного человека, по закону именно подрядчик (nauta – букв. «мореплаватель»), а не капитан, помощник капитана или владелец, отвечал в рейсе за груз и судно. Впрочем, иногда наута оказывался един в четырех лицах. Он мог брать на борт пассажиров – купцов, которые иногда были немногочисленнее, чем он сам. Пассажиры везли на продажу свои товары; подрядчик же отвечал за грузы богачей, в том числе некоторых первых дожей, владевших не только обширными землями, но и крупными торговыми предприятиями.

Поворот к морю

По мере того как политическая обстановка в долине По стабилизировалась, увеличивалось население и множились города, рос спрос на предметы роскоши с Востока. Кроме того, города производили больше товаров на экспорт. Венецианцы все чаще обращали свои взоры от рек к морю. Вначале караванами, доходившими до Павии, Пьяченцы, Кремоны и Вероны, управляли венецианцы; позже – в основном жители материковых городов-государств, превратившихся в центры торговли. Материковые города доставляли свою продукцию в Венецию. Венецианцы охотно привечали их и заключали договоры с правителями соседних городов-государств,

оговаривая разумные сборы и компенсацию на случай грабежа. В обмен ломбардцам разрешалось торговать и проживать в Венеции, однако они не имели права торговать с заморскими странами – это была прерогатива венецианцев. Одна из первых венецианских таможен, называемая *Visdomini Lombardorum*, отвечала за охрану, расселение и налогообложение итальянцев с материка.

Особых коммерческих выгод венецианцы добились в экспорте строевого леса и работорговле.

Хотя ни рабы, ни крепостные не составляли значительной части населения Венеции, в IX веке рабы, почти так же, как соль или рыба, считались одной из основных статей венецианской торговли. Христианская религия тогда еще не запретила рабство, и главы церкви одобряли порабощение язычников и «неверных». Они исходили из того, что порабощение тела приведет к спасению души. К «неверным» относили не только мусульман, но и тех христиан, которых считали еретиками. Так, католики на протяжении нескольких веков считали ересью православие. Охотники за рабами и работорговцы не склонны были вдаваться в подробности и прислушиваться к голосу совести; для них торговля «живым товаром» была средством наживы, весьма популярным как до, так и после распространения христианства. Конечно, по мере того, как расширялись границы христианского мира, менялись и источники пополнения «запасов». В VI веке на итальянские невольничьи рынки попадали язычники англ

саксы, что нашло отражение в знаменитом изречении папы римского. Якобы папа, увидев в Риме детей-невольников из Британии, выразил свою решимость обратить их в христианство, сказав, что они «не англы, но ангелы». В IX и X веках основным источником пополнения невольничьих рынков служили славянские страны, население которых еще не было обращено в христианство. Рабов продавали не только в Италии; главными рынками сбыта были мусульманские страны Северной Африки. Спрос и предложение разделяло Адриатическое море, поэтому Венеция стала естественным центром торговли людьми. Примерно в то же время ее стали называть «королевой Адриатики». Некоторое время Венеция специализировалась на поставках евнухов для дворцов и гаремов восточных владык. Кроме того, рабов-славян покупали сарацины, которым требовались солдаты. Продажу рабов неверным осуждали папы и императоры как по религиозным, так и по политическим соображениям; в X веке отдельные венецианские дожи издавали суровые декреты, запрещающие такую торговлю. Хотя эти декреты чаще всего не исполнялись, после 1000 года экспорт рабов из Центральной Европы и с Балкан сократился, так как славяне перешли в христианство и образовывали более сильные государства.

После того как венецианцы расширили область морских перевозок, вторым по значимости после рабов товаром стал строевой лес. В то время леса на побережье Средиземного моря в основном вырубали и лишь в окрестностях Вене-

ции деревьев еще было в избытке. На равнинах росли дубовые рощи, по берегам рек – ясень и береза, а в горах имелись большие запасы лиственницы, сосны и ели. Поскольку древесина считалась стратегическим материалом, в котором остро нуждались сарацины, папы и императоры запрещали продавать мусульманам не только рабов, но и лес. Но венецианцы вели дела, не повинувшись ни церковной, ни имперской власти. Лес, как и рабы, был жизненно важен для получения «иноземной валюты», а именно золота и серебра, которыми расплачивались мусульмане. В свою очередь, на золото и серебро в Константинополе закупались предметы роскоши, на которые существовал большой спрос в странах Запада.

Большие запасы строевого леса способствовали развитию такой отрасли венецианской промышленности, как кораблестроение. Так как в те времена железо и пенька также были сравнительно дешевы, венецианцы строили суда как для себя, так и на продажу. Имея собственные корабли и драгоценные металлы, полученные у мусульман в обмен на рабов, венецианцы все больше и больше прибирали к рукам торговлю со столицей империи, Константинополем.

Таким образом, на ранних этапах важную роль в экономическом развитии Венеции сыграли доступные источники сырья. За соль и рыбу приобретались продукты питания, произведенные в верховьях рек. После того как венецианцы переключились на морские перевозки, природные запасы древесины позволили им не только строить корабли, но и экс-

портировать лес. Другие области Средиземноморья были богаче сельскохозяйственными продуктами и полезными ископаемыми. Но именно обширные запасы древесины заложили основу для разделения труда между обитателями Венецианской лагуны и материковых районов Средиземноморья, где производили больше вина, масла и хлеба.

В начале XI века победы, одержанные на Адриатике и во время Крестовых походов, значительно расширили возможности венецианских купцов. Большие же запасы древесины помогли им занять место главных перевозчиков на востоке Средиземноморья.

Глава 2. Город-порт и его население

*Венецию любил я с детских дней,
Она была моей души кумиром,
И в чудный град, рожденный из зыбей...
Стремился я, хотя не знал его.*

Дж. Байрон. Паломничество Чайльд Гарольда

Прежде чем переходить к военно-морским успехам, способствовавшим резкому расширению торговли Венеции с «заморскими странами», рассмотрим сам выросший в лагуне город-порт, некоторые его обычаи и традиции, а также отличительные особенности его населения.

Слияние общин

Город, который мы называем Венецией, образовался благодаря слиянию многих мелких общин, вначале существовавших отдельно. Между 900 и 1100 годами, когда венецианцы переключились на морские перевозки, вокруг площади Риальто и построенного неподалеку укрепленного дворца дожа выросли новые кварталы. С одной стороны центральной площади стояла церковь, с другой – верфь, судостроительные и судоремонтные мастерские. По краям возвышались над скромными жилищами большие дома-дворцы знат-

ных семей, чьи главы внесли щедрые жертвования на церковные нужды. В отличие от современных крупных городов, где трущобы отделены от «богатых» пригородов, окруженных садами, в средневековой Венеции дома богачей и бедняков соседствовали друг с другом. И знатные венецианцы сдавали беднякам подвалы и чердаки в своих дворцах. Можно сказать, что богачи и бедняки жили буквально бок о бок.

Каждый церковный приход представлял собой разнородную, но спаянную общину. К 1200 году таких общин насчитывалось около шестидесяти. Во всех почитались свои святые, отмечались свои особые праздники, имелась колокольня, базарная площадь и таможня.

Перемещаться из одного прихода в другой можно было не только на паромах – они ходили по проливам, которые постепенно сужались и превращались в каналы, – но и пешеходными тропами. В местах пересечения троп и каналов строились деревянные мосты. К началу XIV века территория современной Венеции, на которой, правда, имелось больше каналов, чем в наши дни, была уже достаточно плотно застроена. Венеция принадлежала к числу трех или четырех крупнейших городов Западной Европы, хотя в техническом смысле и не представляла собой единого целого.

Сплоченность жителей отдельных приходов заложила основу стабильности венецианского общества. Даже после того, как численность населения Венеции резко возросла, отдельные ее части не утратили своеобразия. И это один из

поводов считать Венецию образцом городского планирования даже по современным меркам. Так, по мнению Льюиса Мамфорда¹, городское планирование должно обеспечивать для каждой общины «воспроизведение в меньшем масштабе жизненно важных органов более крупного всеобъемлющего города с максимальными возможностями встреч и связей на всех уровнях». Ярким примером такого планирования стал приход Сан-Николо деи Мендиколи, видимо названный так потому, что его населяли в основном рыбаки, а святой Николай считается покровителем всех, кто выходит в море. Прихожане избирали своего предводителя, который после избрания облачался в алые одежды и шел во дворец правителя, где его приветствовал дож. Отдельные приходы получали возможность показать своеобразие во время многочисленных праздников, непременным атрибутом которых были кулачные бои и сражения на бамбуковых палках. Жителей расположенного на западной оконечности Венеции прихода Сан-Николо деи Мендиколи называли николетти. Их противниками выступали кастеллани, жившие в Кастелло, приходе на противоположном, восточном конце города, населенном в основном моряками и рабочими находившихся неподалеку верфей.

К сожалению, в современных городах легче зарабатывать

---

¹ **Мамфорд Льюис** – американский историк, социолог и философ техники. Специалист в области теории и истории архитектуры, градостроительства и урбанизма (1895–1990). (*Здесь и далее примеч. пер.*)

деньги, чем просто жить. Венецианцам же удавалось и то и другое. К приходским общинам присоединялись особые кварталы, наделенные оговоренными функциями; они также способствовали единообразию города. Особые зоны и приходские общины соединялись водными артериями, крупнейшей из которых был Большой канал. По нему велось оживленное сообщение между различными зонами и приходами, в каждом из которых имелся собственный центр. Хотя Венеция прославилась благодаря своему местоположению, особой похвалы заслуживает и городская планировка.

Главная площадь формировалась рядом с дворцом правителя. Все больше и больше представителей знати строили здесь жилье, чтобы находиться рядом с центром правления и главным городским храмом. Главный храм Венеции был не кафедральным и не епископским собором, а домовою церковью дожа. В IX веке два купца привезли из Александрии мощи евангелиста Марка. В качестве усыпальницы для святых мощей дож приказал выстроить рядом со своим дворцом храм, известный как собор Святого Марка, или базилика Сан-Марко. Позже и дворец дожа, и храм были перестроены и расширены. Надстраивали и отдельно стоящую звонницу, Кампанилу ди Сан-Марко. В 1150 году она достигала высоты 60 метров. Колокола отбивали время дня и ночи; помимо того, Кампанила служила еще и маяком. По ночам на колокольне зажигали огонь, а днем моряки издали видели ее позолоченный шпиль. Пространство перед собором Свято-

го Марка расчистили и замостили; так появилась площадь (пьяцца) Сан-Марко. Рядом с ней, вдоль дворца дожа, вырыли рыбный пруд, его берега замостили и называли пьяцеттой (букв. «маленькая площадь»). По торжественным случаям пьяцца и пьяцетта становились центрами празднеств; по обычным дням на Пьяцце стояли лавки ремесленников и чиновников, которые выдавали лицензии и собирали налоги.

На другой стороне пьяцетты расположилась центральная внутренняя гавань Венеции, набережная и пристань Сан-Марко. Этот водоем тянулся от замощенного дока перед дворцом дожа, который назывался Молом, до островного монастыря Сан-Джорджо Маджоре – в наши дни там разместился центр современного искусства Пунта делла Догана, образованный на месте бывшей таможни. Сегодня большие корабли, минуя пристань Сан-Марко, следуют к причалам рядом с железной дорогой. В Средние века большие корабли вставали на якорь у Мола или там, где сейчас находится Рива делья Скьявони; напротив Дворца дождей проходила перегрузка товаров с крупных кораблей на лихтеры. В Венеции долго не было центральной таможни; капитан корабля просто получал от портовых служащих квитанцию с разрешением на разгрузку. Стратегические товары, например соль, отправляли на правительственный склад; остальные грузы переносили на частные склады, которые купцы устраивали прямо в своих домах. До начала XIV века на пристани Сан-Марко также ремонтировали суда, грузили их балластом, но

в 1303 году подобные действия запретили, так как важно было сохранить резервуар для прохода судов.

Главной транспортной артерией, ведущей от набережной через весь город, служил Большой канал. На его берегах до XIV века располагались лодочные и камнедробильные мастерские. Канал все больше забивался каменной крошкой и стружкой. Чтобы не препятствовать возрастающему транспортному сообщению между Сан-Марко и Риальто, в 1333 году корабелям и каменщикам приказали перебираться в другие места. По Большому каналу мог свободно пройти корабль водоизмещением 200 тонн. Его берега постепенно превращались в престижный жилой квартал. Стоящие там дворцы являются памятниками архитектуры. Самый оживленный участок Большого канала находился в районе деревянного моста Риальто: там баржи, идущие со стороны материка, встречались с кораблями, заходившими в канал с моря. Вначале площадь вокруг моста была базарной, и венецианцы покупали там продукты. Позже площадь Риальто превратилась в место встреч оптовых торговцев из разных стран. Венецианцы предлагали восточные специи и шелка, ломбардцы и флорентийцы – изделия из металлов и ткани. Для приезжих из Германии рядом с мостом возвели так называемый «германский постоялый двор», Фондако деи Тедески – нечто вроде отеля и склада одновременно. В Венецию приезжали торговцы из стран, расположенных по ту сторону Альп, а также из других областей Италии. При заключении

делок они пользовались услугами менял (позже банкиров), которые расставляли столы под портиком небольшой церкви Сан-Джакомо у западной оконечности моста. Чуть дальше на том же берегу канала построили правительственный зерновой склад, на котором хранились городские запасы. В XIII веке на Риальто появились учреждения, занимавшиеся финансовыми операциями. Там же заключались договоры на поставку грузов в иноземные порты или прибывавших из-за рубежа.

Венецию не обошли процессы, затронувшие и другие крупные европейские города. По мере того как Венеция превращалась в мировой рынок, ремесленников с Риальто вытесняли торговцы. На западном конце Большого канала расположился центр ткачества. Важнейшие предприятия средневековой Венеции, доки и судоремонтные мастерские, изначально размещались в основном на другом конце города, между пристанью Сан-Марко и Лидо. Почти до середины XIV века некоторые крупнейшие верфи располагались на самой пристани – теперь там находится королевский парк Джардинетто-Реале. Позже верфи оттуда вытеснили, а на их месте построили новый зерновой склад. Городские верфи переместились на восточную окраину города, ближе к Лидо. Там по приказу правительства еще в 1104 году построили обнесенный стенами Арсенал. Венецианский Арсенал можно считать скорее верфью, чем центром производства оружия, хотя одно время он объединял в себе обе эти функции.

Первоначально его использовали в основном для хранения кораблей и оружия и поддержания их в боевой готовности, однако между 1303 и 1325 годами его территорию увеличили в два с лишним раза; там возвели стапели и ангары для строительства галер.

Рядом с Арсеналом стояло здание, называемое Таной; там находились склад пеньки и канатный завод. После того как в 1579–1580 годах Тану перестроили, внутри появился просторный цех длиной 316 метров. На набережной, между дворцом дожа и Арсеналом, теснились частные верфи, где строились крупнейшие торговые суда.

Другие крупные верфи были сосредоточены на островах в некотором отдалении от материковой части Венеции. На ближайших к берегу островах создавались своего рода промышленные пригороды, где развивались различные ремесла. Ярким примером может служить Мурано, куда в 1292 году приказом перевели стеклоделание, дабы уменьшить опасность пожаров в самой Венеции. Еще одним примером служит Кьоджа, где развивалось солеварение. Перевозка на баржах по каналам была во много раз дешевле, чем на телегах по суше. Соль, топливо и стройматериалы беспрепятственно доставляли из «пригородов» в центр Венеции.

Каналы и проливы между островами лагуны облегчали товарооборот и не загрязняли окружающую среду, но лишь до тех пор, пока лагуна была жива, то есть обеспечивался приток в нее морской воды. Венецианские приливы бывают двух

видов. Наряду с обычными сезонными подъемами воды до уровня около метра, случаются и ветровые нагоны воды, вызывающие наводнения в северной части Адриатики. В древности приливы не так угрожали островам Венецианской лагуны, так как они находились чуть выше уровня моря. Однако постепенно острова уходят под воду, причем скорость их погружения возрастает. Наводнения гораздо больше угрожают городу в наши дни. Тем не менее и в Средневековье, и сейчас отдельные части лагуны обнажались во время отлива. Между отмелями оставались глубокие промоины, в которых можно было сетями ловить рыбу, и каналы, по которым даже во время отливов могли проходить достаточно крупные суда.

Видимо, принципы венецианской застройки, которыми так восхищался Льюис Мамфорд, не изменились бы, будь Венеция построена на суше, но именно потому, что венецианцы возвели город на воде, они изначально осознавали необходимость городского планирования. Так, городские власти продемонстрировали дальновидность и компетентность, законодательно запретив сброс балласта в каналы и убрав с их берегов камнедробильные предприятия. Водные артерии города неизбежно закупорились бы, если бы частную выгоду не подчинили общему благу. Слияние отдельных приходов породило массу сложностей, которые и в наше время связаны с зонированием. Балласт и обрывки пеньки, связывание бревен в плоты для их сплава, а также гниющие на берегу брошенные лодки засоряли воду. Мусор и есте-

ственные отложения угрожали самому существованию каналов. Кто же распоряжался землей и водой? Естественно, городское правительство. За чистотой каналов и проливов следили дож и его советники. Уже в 1224 году появилось особое управление (магистрат), занимавшееся исключительно каналами. Так называемое Магистрато дель Пьоведжо, которое можно считать тогдашним аналогом управления районирования, не только управляло общественной собственностью, но и выдавало разрешения, позволявшие частным лицам производить строительство на отмелях. Позже, в 1501 году, появилось управление гидросооружениями, Магистрато аль Аква, занимавшееся всеми гидравлическими проблемами.

Еще более сложную проблему, чем городские каналы, представляли многочисленные реки, впадавшие в Венецианскую лагуну. Реки несли с собой ил и пресную воду; на северо-восточной оконечности лагуны пресной воды было столько, что тамошние соляные промыслы пришли в упадок. Кроме того, венецианцы считали, что смесь пресной воды с соленой становится источником малярии. В самом деле, на заиленной воде, в зарослях сахарного тростника плодились малярийные комары. Малярия привела к тому, что Торчелло, бывший в XII веке крупным торговым центром, постепенно утратил свое значение. Для того чтобы избавить Риальто от такой судьбы, венецианцы по указам правительства меняли русла рек, возводили дамбы и шлюзы. Необходимо было

отделить пресную воду от соленой. Впрочем, гидротехнические работы затрудняли препятствия как технического, так и политического свойства. Опасность была ликвидирована значительно позже, после того как Венеция завоевала расположенные вблизи части материка.

Безопасная гавань

Защищая лагуну от пресной воды, заиливания и разрастания сахарного тростника, то есть опасностей с суши, венецианцы не забывали и об опасностях со стороны моря, которые угрожали функционированию города-порта. Цепь песчаных островков защищала лагуну от адриатических штормов. И все же заход кораблей в лагуну был сопряжен с определенными опасностями. Существовало три основных пролива, или прохода, между островами; их называли «устьями» или «портами»: порт Кьоджа на юге, порт Маламокко в центре и порт Сан-Николо (теперь Порто-ди-Лидо). Последний, расположенный ближе всех к площади Сан-Марко, иногда называли просто Венецианским портом. Содержание в чистоте этих «портов», а также каналов зависело главным образом от приливов. Во время особенно высоких приливов и низких отливов море уносило с собой почти все отложения и весь мусор. В то время, когда лагуна была более протяженной, чем сейчас, огромная масса воды, с одной стороны, действительно прочищала каналы, но, с другой стороны,

способствовала заилению самой лагуны.

Вследствие наводнений, высоких приливов и воздействия ветров и волн на прибрежные зоны под водой возникали наносы песка и ила, способные перекрывать проходы между островками или делать их непроходимыми для крупных судов. Канал, ведущий из пристани Сан-Марко в море через порт Сан-Николо, уже в XIII веке начал опасно заиливаться. В 1305 году, после того как владельцы двух крупных трехпалубных судов поняли, что их суда слишком велики для захода в Венецианский порт, им разрешили продать корабли. Большие корабли запрещалось нагружать до максимальной отметки в пределах гавани – особенно во время отлива. Хотя большинство торговых судов осматривались портовыми чиновниками на пристани Сан-Марко, крупным кораблям разрешали пополнить груз и пройти еще один осмотр уже после того, как они проходили отмель вблизи Сан-Николо. «Порты» Маламокко и Кьоджа считались в те времена второстепенными, поэтому венецианцы всячески старались укрепить проход Сан-Николо: там построили волнолом, ограничили погрузку песка в качестве балласта (грузиться балластом можно было лишь в особо оговоренных местах). Кроме того, в прибрежных районах запретили вырубку и сожжение сосен, чтобы деревья прочнее удерживали почву. Сан-Николо оставался главным портом Венеции вплоть до XVI века.

Для усиления мер по охране порта назначали так называ-

емых «стражей Лидо». В XIII веке им поручали следить за состоянием волнолома и маяков. Маяков было два; один стоял в Сан-Николо, на северо-восточной оконечности современного Лидо, а второй – на острове Санта-Елена. В 1407 году портовые службы объединили и подчинили так называемому адмиралу порта. В помощь кораблям, терпящим бедствие, вместо буксиров, столь заметных в современной Венеции, держали наготове большую шлюпку, управляемую 28 гребцами – во всяком случае, зимой. В шлюпке имелся запас перлиней и якорей. Адмирал порта квартировал в «замке» на маяке Сан-Николо. Над его жилищем красовалась эмблема, называемая «корзиной»; ее поднимали на топ мачты, показывая, когда начинается прилив, и спускали до половины мачты или ниже, если нужно было предупредить суда об отливе. По приказу адмирала проходы помечали вехами. В 1526 году случился большой скандал, когда едва не затонуло торговое судно, возвращавшееся из Александрии, потому что лоцман осмелился игнорировать вехи, расставленные адмиралом порта. Кроме того, адмирал порта досматривал все входящие и выходящие суда, дабы удостовериться, что их владельцы уплатили все надлежащие взносы. Такой же чиновник позже был назначен и в Маламокко.

Из-за отмелей и каналов, постоянно меняющих очертания, особую важность приобретала лоцманская служба. Лоцманы входили в привилегированное профессиональное объединение. Все портовые чиновники, подчинявшиеся адми-

ралу порта, в том числе смотрители маяков и судовые инспекторы, были вышедшими в отставку лоцманами. Для того чтобы иметь возможность вести суда в трудный зимний сезон, действующие лоцманы должны были с 1 сентября по 31 марта прибывать в город Паренцо на Истрии и там ждать, когда их возьмут на борт корабля, которым требовались их услуги. Помимо так называемых больших лоцманов, или педотти гранди, считавшихся аристократами и имевшими право выбирать работу на любых крупных судах (в 1458 году насчитывалось всего 13), имелись и малые лоцманы – они водили суда помельче. Хотя все лоцманы вынуждены были по полгода проводить на Истрии, все они были венецианцами; ни один уроженец Истрии в их цех не допускался.

Хотя проводить крупные суда мимо отмелей позволялось лишь избранным, все венецианцы, можно сказать, чувствовали себя на воде как дома. Жители других областей Италии подтрунивали над ними. Так, говорили: когда венецианец едет верхом, он обращается с уздечкой как с румпелем и обвиняет лошадь в «качке», если меняется направление ветра. В Средние века венецианцы чаще, чем сейчас, передвигались по своему городу и близлежащим островам на парусных лодках, барках и более мелких судах, напоминающих современные гондолы. Таким образом, в некотором смысле венецианцы оставались «речниками» даже после того, как их экономика стала зависеть от оптовых торговцев, собиравшихся вокруг Риальто, от органов власти, сконцентрирован-

ных на площади Сан-Марко, и от крупных судов, привозивших грузы из далеких земель.

Еще одно прогрессивное учреждение, производившее сильное впечатление на гостей Венеции в XVI веке, находилось на острове Лазаретто. Там с 1423 года размещали больных. В 1485 году венецианцы устроили на Лазаретто карантин, под которым тогда понимали сорокадневную изоляцию. Карантину подвергались все суда, на которых, как подозревали, находились больные чумой, ужасной «черной смертью».

Численность населения и чума

«Черная смерть» в течение нескольких веков влияла на демографию Венеции. Численность населения в XIII веке и раньше можно примерно определить по спискам регистрации военнообязанных. Судя по ним, в 1200 году в Венеции насчитывалось по меньшей мере 80 тысяч человек, а всего столетие спустя на Венецианской лагуне проживало около 160 тысяч человек, причем население самого города составляло почти 120 тысяч человек. В Средние века в Западной Европе любое поселение, где проживало 20 или даже 10 тысяч человек, считалось большим городом, поэтому Венеция была одним из крупнейших. Возможно, в списках военнообязанных цифры и округлялись в большую сторону, но, судя по официальным сведениям, в 1338 году производился

подушевой подсчет взрослого мужского населения.

Данным переписей можно верить еще и потому, что их проводили в конце долгого периода роста городов в Европе. Благодаря стремительному росту городов в 1330 году в Милане, Флоренции, Неаполе и Палермо проживало примерно столько же людей, сколько и в Венеции. Для сравнения: к западу от Италии только в Париже численность населения приближалась к 100 тысячам. Однако уже в 1348 году, вскоре после того, как численность населения Венеции и других крупнейших европейских городов превысила 100 тысяч человек, маятник качнулся в другую сторону. Людей начала косить «черная смерть».

Чума существовала в двух формах, хотя их начали различать гораздо позже. Одна форма – легочное заболевание, для которого характерны признаки острой пневмонии. Она передается напрямую от человека к человеку. Вторая форма – бубонная чума. Ее характерный признак – опухоли, называемые бубонами. Через какое-то время бубоны чернеют, от чего болезнь и получила название «черная смерть». В Средние века две формы заболевания не различали и потому не догадывались, что карантин и другие виды изоляции, пусть и предотвращавшие распространение легочной формы, неэффективны против бубонной чумы. Последней невозможно заразиться от заболевшего человека, зато блохи переносят ее от черных крыс. Чаще всего во время эпидемий проявлялись обе формы заболевания, но первые случаи легочной чу-

мы почти всегда обнаруживались после заражения бубонной чумой, поэтому распространение болезни зависело от зараженных блох, которые попадали из города в город иногда с товарами, но чаще – с судовыми крысами.

В Италию бубонная чума пришла с Востока. Она косила татарскую армию, осаждавшую Каффу, генуэзско-венецианскую факторию в Крыму. Татары с помощью катапульт забрасывали в город трупы умерших от болезни, чтобы заразить осажденных. Но куда более эффективным оружием средневековой биологической войны оказались крысы. Принято считать, что крыс и чуму в Италию привезла венецианская галера, которая вернулась из Каффы осенью 1347 года.

В течение следующих полутора лет от чумы умерло около $\frac{3}{5}$ жителей Венеции. Конечно, средневековые подсчеты нельзя назвать точными, но венецианское правительство довольно рано озаботилось статистическими данными. Самые ранние дошедшие до нас фрагменты переписей относятся к 1509 году. Данные, связанные с эпидемиями 1575–1577 и 1630–1631 годов, тщательно фиксировались Управлением здравоохранения. Благодаря им можно косвенно проверить и статистику 1347–1349 годов.

За 1348 годом последовали три столетия, отмеченные эпидемиями. После каждой новой вспышки численность населения резко уменьшалась. Затем следовали стремительные, но довольно кратковременные восстановительные периоды. В 1500 году численность населения Венеции состав-

ляла около 120 тысяч человек, то есть почти сравнялась с данными двухсотлетней давности. В течение следующих 70 относительно «здоровых» лет численность жителей города возросла почти до 190 тысяч – эту цифру так и не удалось превзойти. Затем, в 1575–1577 и 1630–1631 годах, город выкосили две мощные вспышки болезни. За время эпидемий погибало около трети населения. В период между эпидемиями численность населения росла, но полностью не восстанавливалась. После 1630 года обширных эпидемий чумы в Венеции не наблюдалось. Постепенно бубонная чума ушла из Европы, возможно из-за распространения бурых крыс, которые лишили черных крыс запасов пищи. Однако «черная смерть» еще долго была грозой портовых городов: черные крысы, переносчики блох, приспособились к изменившейся обстановке и переселились на корабли. Последняя крупная вспышка бубонной чумы в Западной Европе наблюдалась в Марселе в 1720–1721 годах, хотя болезнь и позже сохранялась на Балканах и в странах Леванта, то есть расположенных на восточном побережье Средиземного моря. Венецианская республика была пограничным городом; она боролась с угрозой, не ослабляя бдительности.

Изменению численности населения способствовали эмиграция и иммиграция. Как только в каком-либо городе начиналась эпидемия чумы, из его окрестностей бежали все, кто мог. Когда болезнь отступала, поток беженцев двигался назад. К ним присоединялись жители других областей, ко-

торые, в свою очередь, искали убежища от эпидемии. Правительства средневековых городов поощряли иммиграцию: приток населения оживлял торговлю и позволял повысить налоги.

Благодаря волнам миграции численность населения поддерживалась примерно на одном уровне. Без притока беженцев город быстро пришел бы в упадок, ибо его жители не воспроизводили себя, как, впрочем, и жители всех крупных городов того времени. Необычайно высоким был уровень смертности, особенно детской; смертность превосходила рождаемость. В окрестностях Венеции, наоборот, уровень рождаемости почти всегда превосходил уровень смертности. Лишь $\frac{1}{3}$ населения Венеции составляли люди моложе 20 лет; в окрестностях же таких было около половины – настоящий резервуар, из которого пополнялись запасы городского населения.

Иммигранты приходили в Венецию в основном из материковой Италии. Конечно, некоторые переезжали в город с островов на лагуне, но общая численность населения островов составляла лишь около 50 тысяч человек. По сравнению с городом, в котором проживало свыше 100 тысяч человек, их было очень мало. Если становилось известно, что обстановка в городе благоприятная и чумы нет, в Венецию перебирались моряки из Греции и Далмации, многие из которых ассимилировались. Но в целом среди иммигрантов преобладали жители материка. Особенно привечали в Венеции ква-

лифицированных рабочих, они без труда приобретали права гражданства. Хотя такие иммигранты и их потомки считали себя настоящими венецианцами, они не очень любили море. Жизнь на борту корабля привлекала их не так, как возможность работать в ремесленной мастерской, счетном торговом доме или правительственном управлении. Таким образом, волны иммиграции, перемежавшиеся эпидемиями чумы, вносили свой вклад в численность и состав населения. Постепенно из моряков венецианцы превращались в ремесленников. Позже мы рассмотрим и другие причины постепенного ослабления интереса венецианцев к морю. Интересно проследить, насколько способны выжить традиции беднейших слоев населения любого города после появления «черной смерти».

Один класс венецианцев, а именно аристократия, упорно сохранял свои традиции даже во время эпидемий. Еще в начале XI века многие знатные венецианцы возводили свою родословную к римским консулам, которые бежали из античных городов в лагуну. Позже особо почетным считалось происхождение от трибунов, правивших венецианцами до учреждения института дождей. Семьи, способные доказать наличие таких предков, назывались «лонги», или «старые семьи»; прочих именовали «курти», или «новыми семьями». На самом деле XI–XII века характеризуются большой социальной подвижностью, и даже в XIII веке многие богатейшие и влиятельнейшие семьи не могли похвастать знатными

предками. Однако в начале XIV века, в результате нововведения, сыгравшего важную роль в истории Венеции, в социальном составе общества произошли существенные изменения. В то время знатных семей насчитывалось около 150, что составляло примерно 1200 человек. И хотя к началу XVI века 50 знатных семей полностью вымерли, а добавилось всего около 40 семей, численность представителей знати возросла. В середине XVI века в благородных семьях насчитывалось около 2500 человек, то есть 6 процентов общей численности населения. Впоследствии число аристократов лишь сокращалось, как в абсолютных цифрах, так и в процентном отношении.

Обозревая демографическую историю Венеции в целом, поражаешься как резким скачкам, особенно падению численности во время эпидемий 1347–1349, 1575–1577 и 1630–1631 годов, так и стабильности роста после 1300 года. В XVII–XVIII веках в городе проживало от 100 до 160 тысяч человек, в 1969 году в Венеции насчитывалось около 120 тысяч жителей.

С XII по XVIII век Венеция была городом-государством, подобным античным Афинам или средневековой Флоренции. Численность ее населения, в общем, соответствовала этой особой и прогрессивной для своего времени форме государственного устройства. Став городом-государством в эпоху роста средневековых империй, Венеция завоевала владычество на море, разработала своеобразную обществен-

но-политическую структуру и предложила прогрессивные экономические нововведения. Позже, в Новое время, в эпоху централизации, Венеция отстаивала свои традиции. Хотя ее влияние и сокращалось, его хватало на то, чтобы сохранить особые формы общественной организации и довести до совершенства городское планирование.

Завоевание власти на море

Глава 3. Поддержание порядка и пиратство на Адриатике

Мореплавателям проще всего сколотить состояние двумя способами: торговлей и пиратством. Устоявшиеся морские державы, как, например, Великобритания в XIX веке, как правило, всячески защищали мирную торговлю, так как от нее во многом зависело благополучие страны. В периоды же становления государственности многие страны, связанные с морем, даже поощряли пиратство. С точки зрения, например, викторианцев, сэр Фрэнсис Дрейк закладывал основы их державы и потому овеян славой, а род его занятий считается весьма почтенным. И хотя во времена Дрейка англичане выходили в Атлантический океан или Средиземное море в основном за добычей, в Северном море англичане стремились получить прибыль от перевозок и потому оказывали транспортные услуги, подчиняясь законам. Если в одном районе та или иная страна с помощью флота совершала набеги на иноземные берега и захватывала чужие корабли и грузы, то в других местах корабли использовались лишь для мирной торговли или защиты. В целом можно сказать, что

почти все морские державы начинали с пиратства или грабежа. Стремление к оказанию транспортных услуг и мирной коммерции возникали позже.

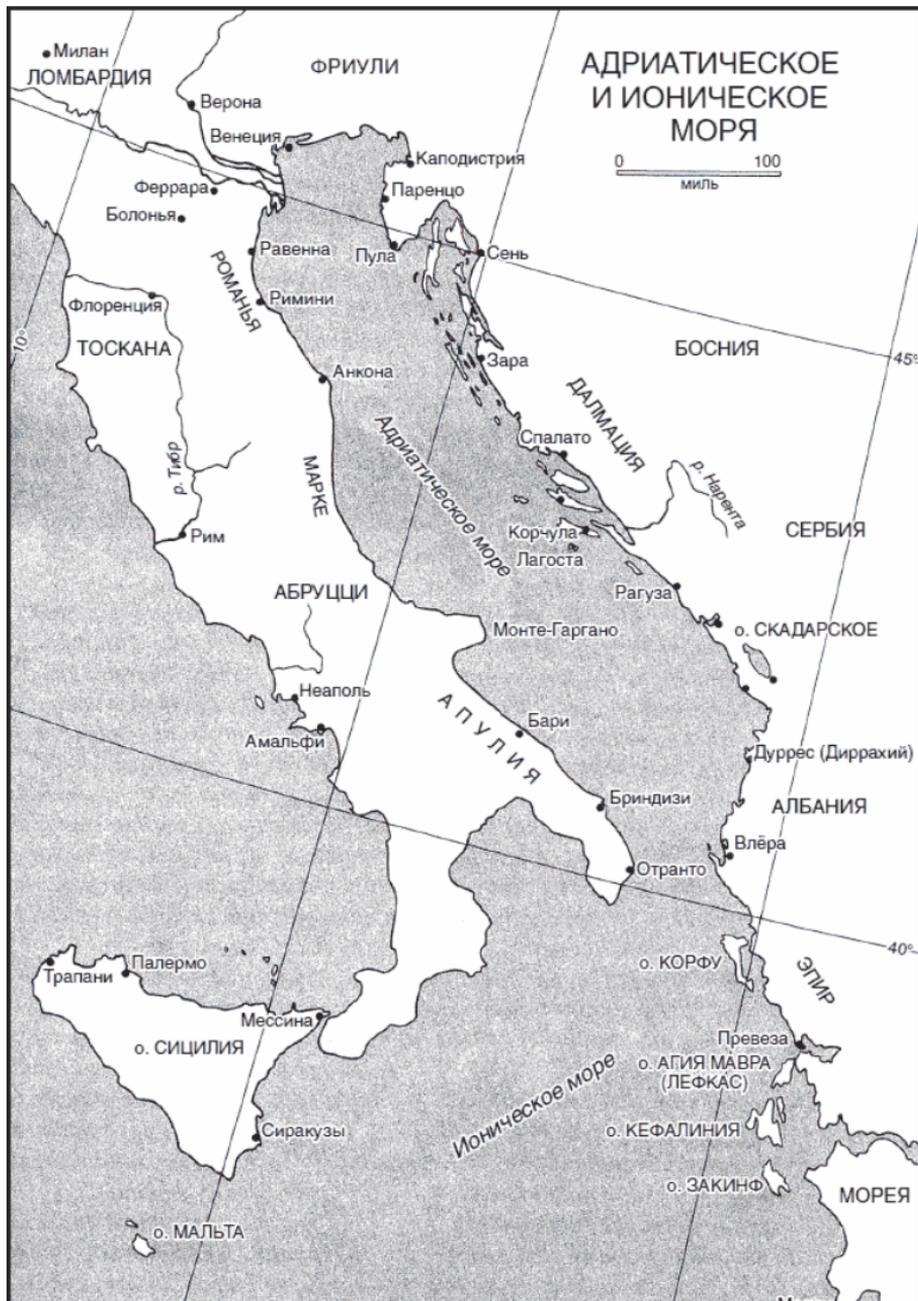
Контраст между Венецией XII–XIII веков, с одной стороны, и Венецией XVI–XVII веков, с другой стороны, согласуется с этим общим правилом, но в годы своей ранней истории Венеция находилась в двусмысленном положении. Она считалась частью очень древней морской державы – Восточной Римской, или Византийской, империи. Самые ее ранние значительные морские достижения связаны с защитой мирного товарообмена. Торговля велась под патронатом Византии. В то же время венецианцы не колеблясь прибегали к насилию, стремясь поддержать и усилить собственную роль в этой торговле; благодаря насильственным методам им удалось получать значительную прибыль.

Две составляющие морской политики варьировались в зависимости от места действия. Так, на Адриатике в общем и целом преобладала политика охраны и поддержания порядка. Венеция предприняла ряд успешных шагов к тому, чтобы обеспечить контроль вначале над Верхней Адриатикой, затем над Далмацией и средней частью побережья. Позже Венеции удалось захватить, пусть и не столь прочную, власть на Нижней Адриатике. Во всех трех областях она выступала либо как часть Византийской империи, либо как ее независимый союзник.

Верхнюю Адриатику и в целом часть моря, изначально иг-

равшую жизненно важную для Венеции роль, можно отметить условной линией, соединяющей Пулу – город на южной оконечности полуострова Истрия – с Равенной (см. карту 1). Именно эту часть Адриатики принято было называть Венецианским заливом. Вскоре стало ясно, что в Венецианском заливе может властвовать лишь одна морская держава. С ослаблением византийского флота, чьей основной базой служила Равенна, роль представителей Византии и защитников мирной торговли перешла к венецианцам. Упрочение власти в Венецианском заливе связано с правлением дождей из семьи Кандиано, которые правили Венецией почти весь X век. Пьетро II Кандиано (932–939) подавил сопротивление Комаккьо. Оправившись после более раннего разграбления, жители этого соседнего города начали угрожать венецианской торговле. Кроме того, Пьетро II Кандиано захватил Каподистрию на другом берегу Венецианского залива. Когда жители других городов на полуострове Истрия, которыми правил местный князь, начали грабить венецианские суда, дож запретил вести торговлю с этими городами и тем самым поставил их на колени, лишив их соли и прочих предметов первой необходимости. Его сын, Пьетро III Кандиано (942–950), также успешно применил экономический бойкот в споре с Аквилеей. Экономическое, а не только военное принуждение доказывает, что венецианцы еще в X веке занимали главенствующее положение в той области в торговле и судоперевозках. Не все земли на побережье так называе-

мого Венецианского залива подчинялись политической власти Венеции, но после падения Равенны ни один близлежащий город не способен был выставить военно-морской или торговый флот, способный соперничать с венецианским.

Карта 1

На Средней Адриатике Венеция главным образом охраняла торговые суда от пиратов. Торговцы нуждались в защите, которую уже не в состоянии была предоставить Византийская империя. Среднюю Адриатику можно условно обозначить на севере линией, соединяющей Равенну и Пулу, а на юге – линией, соединяющей южную оконечность Далмации с «пяткой» Итальянского сапога. На западном побережье Средней Адриатики имелся лишь один важный порт, Анкона; зато на противоположном, далматинском побережье находился целый лабиринт, состоявший из островов и проливов. Там еще до античного Рима находился местный центр мореплавания. Славянские племена, переселившиеся на Балканы в VII–VIII веках, вторглись на побережье Далмации, разграбив некоторые римские города. Позже, заключив союз с соседями, они стали совершать пиратские набеги на поселения ослабевшей Византийской империи. В IX веке главный центр славянских пиратов находился в устье реки Наренты. Там, примерно в 15 километрах вверх по течению, рядом с древнеримским городом Нарона, пираты укрывались в бухте, недоступной для нападения с моря. Кроме того, пираты находили убежище на прибрежных островах, таких как Корчула и Лагоста. Иногда жители северных городов Далмации, например Зары, поддерживали пиратов; в другие времена они призывали на помощь венецианцев и признава-

ли их власть. Первого дожа из семьи Кандиано убили в морском сражении с нарентскими пиратами вблизи Зары. Его внук, Пьетро III Кандиано, возглавил два похода против пиратов, но не добился успеха. Более того, на протяжении последующих 50 лет венецианцы и нарентцы вели сравнительно мирное сосуществование. Венецианцы вели торговлю и основывали фактории на побережье Далмации. Тогда получила особое распространение торговля «живым товаром», а нарентцы были не только пиратами, но и работоторговцами. Когда венецианцы не захватывали невольников в ходе военных набегов, они покупали рабов у нарентцев. Далматинцы все чаще находили торговлю в некотором смысле более выгодным занятием, чем пиратство.

До начала XI века далматинцы еще способны были противопоставить свой флот венецианскому. Необычайно способный дож, Пьетро II Орсеоло (991–1009), опасался, что далматинцы создадут сильное государство, способное и дальше соперничать с Венецией за роль ведущей морской державы на Адриатике. В 1000 году Пьетро II Орсеоло провел флот вдоль далматинского побережья. Его поход призван был в первую очередь продемонстрировать силу Венеции. И все же военные маневры оказались не столь важны, как предварительные дипломатические маневры дожа, которые определили политическое значение его похода. Пьетро II проявил себя необычайно гибким и дальновидным политиком, он сочетал политические и экономические методы давления как

в Европе в целом, так и на Средиземноморье.

Главная трудность заключалась в том, чтобы сохранять дружбу и с Византией, и с германскими императорами. И те и другие считали себя наследниками Рима, хотя и не пытались открыто подчинить себе Венецию. Пьетро II Орсеоло очень успешно балансировал между Востоком и Западом: одного своего сына он женил на племяннице византийского императора, а другого – на невестке германского императора Священной Римской империи. Он заключил благоприятные экономические союзы с обеими империями и дополнил их выгодными торговыми договорами с мусульманскими государствами Северной Африки. После того как эти соглашения стимулировали развитие международной торговли на Адриатике, дож сосредоточил усилия на подавлении далматинских пиратов, угрожавших этой торговле. Утвердив власть Венеции на Средней Адриатике, он таким образом показал себя другом обоих императоров и поборником мирной торговли. Кроме того, он откликнулся на призывы жителей северного побережья Далмации, в частности Зары, и защищал их от нападения нарентских пиратов с моря и славянских племен с суши.

В ходе тщательно подготовленных переговоров Пьетро II Орсеоло настроил славянских князей друг против друга. Хотя его войско не поднималось по реке Нарента, вскоре венецианцам удалось захватить сорок нарентских купцов благородного происхождения, которые возвращались с товарами

из Апулии. Пленники помогли дожу заключить мирный договор на его условиях. Изолировав же пиратов, живших на островах Корчула и Лагоста напротив устья Наренты, дож осадил их крепости и принудил к подчинению с помощью голода. На обратном пути его победоносный флот заходил во все крупные города, демонстрируя новым и старым союзникам мощь Венеции.

В следующие столетия венецианцам придется часто демонстрировать силу. Поход Орсеоло не способствовал упрочению венецианской власти. Хотя Орсеоло впоследствии назывался правителем не только Венеции, но и Далмации, далматинские города признавали венецианское владычество лишь отчасти. Влияние Венеции ослабло после того, как племена, жившие дальше от побережья, приняли христианство. Хорватию захватил венгерский король Иштван; Зара и другие города увидели в нем защитника, к которому можно обращаться за помощью против Венеции. В одном отношении далматинский поход Пьетро II Орсеоло все же сыграл решающую роль. Впоследствии ни нарентские, ни другие пираты, обитавшие в Средней Адриатике, ни разу не бросили вызов венецианскому флоту. В течение следующих веков Венеции часто приходилось воевать за захват или восстановление власти в Далмации. В основном Венеции противостояли города, зависевшие от помощи сухопутных держав, таких, например, как Венгрия. И лишь в немногих случаях угроза исходила от морских держав, расположенных за пределами Ад-

риатики: Генуэзской республики или Османской империи.

Пьетро II Орсеоло успешно распространил военно-морскую власть Венеции также на Нижнюю Адриатику, то есть область между Апулией и Албанией. В 1002 году он лично привел флот в Бари, столицу Апулии, и спас город от завоевания мусульманами. Первые походы венецианцев в Нижнюю Адриатику были направлены и против сарацин. Как правило, венецианцы помогали византийскому флоту в сражениях с арабами вблизи Сицилии, Калабрии и Апулии, но без каких-либо значительных успехов. Сарацины, со своей стороны, проводили контратаки на Адриатике. Иногда они даже заходили в Венецианский залив. Первые упоминания о крупных кораблях, построенных венецианцами исключительно в военных целях, встречаются в IX веке, когда они создали тяжелые суда, получившие название «хеландии». Они должны были охранять от сарацин входы в лагуны.

По-настоящему решающим венецианское вмешательство на Нижней Адриатике стало в 80-х годах XI века. Венецианцы снова пришли на помощь Византийской империи, в то же время защищая свою торговлю с Константинополем. Им пришлось сражаться с новым врагом – норманнским герцогом, чьи владения находились в Северной Италии. На севере Италии норманны составляли пусть и немногочисленный, но высший класс, как и в Англии, завоеванной ими в тот же период. Норманнские правители необычайно искусно привлекали для военных целей ресурсы завоеванных террито-

рий. Роберт по прозвищу Гвискар, то есть Хитрец, сын второстепенного норманнского барона, возглавил отряд наемников, принимавших участие в войнах на юге Италии. Спустя какое-то время он вызвал к себе братьев и других соотечественников, жадных до приключений, и начал вести собственные завоевательные войны. В то время как один его брат овладел Сицилией, сам Роберт в 1071 году захватил Бари и Амальфи, а в 1076 году – Салерно. Роберт, прославившийся не только хитростью, но и храбростью, собирался распространить свою власть также на Грецию, а если получится, то заполучить и корону императора Византии.

Примерно в то время, когда норманны захватывали крупные византийские порты на Западе, азиатские морские провинции Византийской империи подверглись нападениям турок-сельджуков. Почти одновременные удары с Запада и Востока подрывали положение Византийской империи, считавшей себя ведущей средиземноморской державой. В трудную минуту император Алексей I Комнин обратился за помощью к венецианцам.

Как правило, пираты не ведут дневников. До наших дней не дошло ни секретной переписки, ни публичных прокламаций, из которых можно было бы предположить, почему венецианцы согласились помочь византийскому императору. Но их действия на протяжении нескольких веков подразумевают явно последовательную политику. Венецианцам важно было добиться превосходства на море, а не на суше; они не

стремились к завоеванию новых территорий, с которых можно было бы собирать дань. В результате войн они заключали выгодные для себя мирные договоры в ущерб соперничающим государствам. Их целью было укрепление своей торговли со странами Леванта, расширение привилегий и торговая экспансия в новые области.

Весь XI век на волне экономического подъема росли численность и благосостояние венецианцев. Постепенно переходя от речного судоходства на север Италии к мореплаванию, они утвердили свою власть и пожелали бросить вызов норманнам, которые пытались распространить свое влияние на другой стороне Нижней Адриатики. Поскольку Алексей I Комнин просил Венецию о помощи не как сюзерен вассала, но как правитель, который искал союзника, венецианцы охотно откликнулись на его призыв. На карту были поставлены их собственные жизненные интересы. Они уже пользовались правом торговать в пределах Византийской империи и надеялись (не напрасно) на снижение торговых пошлин. Более того, если бы Роберт Гвискар захватил Корфу, Диррахий (Дуррес) и Валону на восточном побережье Адриатики, а также Бари, Бриндизи и Отранто на западном побережье, он мог бы без труда захватывать в плен проходившие мимо венецианские корабли. Торговля Венеции и Константинополя зависела бы от его милости; он вполне мог «запереть» венецианцев в их лагуне. Очевидно, Роберт считал Далмацию частью империи, владыкой которой он намеревался стать, по-

этому он завербовал в свой флот много далматинских кораблей. Будущее Венеции могло сложиться совсем по-другому, сумеет норманнский герой консолидировать под своим руководством все ресурсы, обеспечивавшие в прошлом власть Византии на море. В таком случае он мог бы по праву называть себя наследником византийских императоров или продолжателем старой и основателем новой, норманнской династии. В противовес амбициозным, но вполне осуществимым планам Роберта Хитреца венецианцы ставили торговые привилегии и победу над странами-соперницами. Тогда Венеции впервые, хотя и не в последний раз, пришлось выступить в такой роли.

В 1081 году Роберт и его сын Боэмунд находились в Албании. Они стремились захватить Диррахий, город, стоявший у начала древнеримской дороги, ведущей через Балканы в Константинополь. В гавань Диррахия зашел венецианский флот под личным командованием дожа. Последующий бой – первое морское сражение венецианцев, о котором сохранилось подробное описание. Отчет, написанный Анной Комниной, талантливой дочерью императора Алексея, стоит процитировать – хотя, как утверждают некоторые критики, она смешала в одном описании две разные битвы:

«С наступлением вечера, не имея возможности приблизиться к берегу из-за безветрия, венецианцы соединили большие корабли и, связав их канатами, образовали так называемую морскую гавань. Они соорудили среди мачт де-

ревянные башни и канатами подняли на них следующие за каждым из кораблей маленькие челны, внутри которых посадили вооруженных воинов; кроме того, они распилили на части длиной не более локтя тяжелые бревна, вбили в них острые железные гвозди и, таким образом, стали поджидать прибытия франкского флота. С наступлением дня подошел Боэмунд и потребовал совершить славословие. В ответ на это венецианцы стали глумиться над бородой Боэмунда, а тот, не желая терпеть унижения, первым напал на них и приблизился к большим кораблям венецианцев; за ним последовал и остальной флот.

Началась жестокая битва. Так как Боэмунд дрался с великим ожесточением, венецианцы сбросили сверху одно из упомянутых мною бревен на корабль, где находился Боэмунд. Вода с шумом хлынула в пробоину, судну угрожало затопление, матросы, покинувшие корабль, утонули, не миновав той участи, которой старались избежать; остальные погибли в бою с венецианцами. Положение Боэмунда стало опасным, и он перешел на другой корабль. Еще более осмелев, венецианцы с воодушевлением ринулись в бой. В конце концов они обратили врагов в бегство и преследовали их до самого лагеря Роберта. Пристав к берегу, они высадились на сушу и возобновили бой»².

Перед командиром средневекового средиземноморского флота стояли две главные задачи: не дать врагу рассредо-

---

² Цит. по: *Комнина А. Алексиада*. М.: Наука, 1965 / Пер. Я. Н. Любарского.

точить его корабли и одолеть их по-одному, а также максимально воспользоваться кораблями двух различных типов. В большинстве флотов имелись как низкие и быстроходные гребные суда с острыми носами, предназначенными для тарана, так и широкие парусные суда с высокими бортами и надстройками. Парусники с трудом маневрировали во время атаки, зато могли успешно защищаться в том случае, если были достаточно большими, хорошо оснащенными и имели на борту современные орудия, особенно метательные снаряды. Длинные и узкие корабли были основой всякого военного флота, ибо только гребные суда могли вызвать ответные действия противника или успешно действовать сообща; но, если удавалось вынудить врага напасть на относительно медленные суда, подставив их под удар, такая тактика влекла за собой ослабление и дезорганизацию сил противника до того, как в битву вступал основной флот, состоявший из гребных судов.

Успех в этой основной тактике принес венецианцам много побед за 500 лет, прошедших от битвы при Диррахии до сражения при Лепанто. Несмотря на изменения в оснастке, конструкции и вооружении, военный флот по-прежнему состоял из относительно быстроходных и довольно медленных судов, способных, однако, защитить себя и нанести ущерб врагу благодаря метательным орудиям. Самыми быстрыми как в XI, так и в XVI веке считались легкие галеры, с 20–30 банками на каждый борт и более чем одним гребцом на

каждом ряду. В XII веке еще были в ходу два более тяжелых типа гребных судов, сконструированных византийскими корабелями: дромоны с двумя ярусами весел, один над другим, и хеландии – это название впоследствии применялось к разным типам судов, как весельных, так и безвесельных. Можно предположить, что на хеландиях имелась вторая палуба или защитная надстройка.

Хотя окончательный исход битвы зависел от рукопашного боя, морские сражения обычно начинались с метания камней и мешков с известью, поражавшей глаза противников, а также мягкого мыла, от которого палубы вражеских кораблей делались скользкими. Кроме того, по врагам стреляли из луков и катапультировали «бревна», описанные Анной Комниной. Она упоминает также «греческий огонь», но подобные горючие смеси требовали особо осторожного обращения, так как в случае ошибки угрожали обеим сторонам. Самыми распространенными метательными орудиями были катапульты, на крупные суда их поднимали с помощью особых приспособлений. Анна Комнина не различает «длинные» и «круглые» корабли, но упоминает применение «более крупных» кораблей в бухте, которая, скорее всего, имела форму полумесяца. «Круглые» же корабли охраняли фланги гребных судов. Эти более тяжелые суда, оснащенные особыми метательными машинами, выдержали нападение Боэмунда. Когда атака захлебнулась, вдогонку, возможно, пустились более легкие суда, собравшиеся к тому времени в

центре полумесяца.

Морская победа венецианцев не помешала Роберту захватить Диррахий, ибо он победил армию, с которой Алексей пришел освобождать город. Венецианский флот лишь задержал победу Роберта. Его завоевания тормозили и сражения с новыми флотами, посланными с Корфу в 1083, 1084 и 1085 годах. Кроме того, Роберта отвлекло обращение папы Григория VII, который просил помощи против германского императора. В 1085 году Роберт Гвискар умер в возрасте 70 лет. Византийский император Алексей Комнин был очень благодарен венецианцам за помощь. Он наградил их, издав «золотую буллу» 1082 года, по которой венецианцы получали торговые привилегии и освобождение от налогов. В чередовании поражений и побед венецианцы ярко продемонстрировали свое военно-морское искусство, навыки и решимость. Хотя бок о бок с венецианскими часто сражались и греческие корабли, в 1081–1085 годах стало ясно, что защита Византийской империи с моря во многом зависела от венецианского флота.

Глава 4. Победы за морем и в Романии

В конце XI века положение Венеции изменилось в двух отношениях. До тех пор венецианцы пользовались флотом, чтобы защищать Византийскую империю и охранять торговлю на Адриатике. После 1100 года венецианские корабли вышли в Адриатическое и Ионическое моря; венецианцы распространили свое влияние на все Восточное Средиземноморье. Впрочем, торговля, как и прежде, не исключала пиратских набегов. Перемены ускорились благодаря крестовым походам.

Первые крестовые походы

Не многие из тех, кто в 1065 году откликнулся на призыв папы римского Урбана II, были настолько набожны, чтобы забыть обо всех мирских устремлениях ради спасения Святой земли от неверных. Французские и итальянские рыцари, проделавшие по суше путь до Иерусалима во время Первого крестового похода, хотели впоследствии извлечь выгоды из своего паломничества; кроме того, они стремились получить земли, которыми могли бы править. Подобные мотивы отчетливо прослеживаются в поведении предводителя норманнов Боэмунда, сына Роберта Гвискара. Не меньше, чем

освободить Святую землю от мусульман, ему хотелось захватить земли византийского императора. Как только он захватил крупный сирийский торговый центр Антиохию, он тут же оставил мечты о завоевании Иерусалима и занялся защитой и расширением своих владений, нападая на соседние города, управляемые греками. Судя по всему, Боэмунду и другим крестоносцам помогали генуэзские корабли. Сначала генуэзцы поддержали Боэмунда против Антиохии, а затем – против других прибрежных городов. И Генуя, и Пиза к тому времени уже несколько десятилетий вели свои войны с неверными в Западном Средиземноморье. Они успели захватить большое богатство, грабя опорные пункты сарацин в Северной Африке. Воспользовавшись крестовыми походами, они расширили сферу деятельности и вторглись в Восточное Средиземноморье, где не только грабили, но и получали торговые привилегии в государствах, созданных крестоносцами. Возможно, среди многих итальянцев – капитанов кораблей, которые оказывались в решающие минуты в сирийских и палестинских портах, – имелись и венецианцы. Они на свой страх и риск подвозили припасы армии крестоносцев. Без такой помощи, оказавшейся весьма кстати, крестоносцы не получили бы строевой лес, необходимый для сооружения штурмовых лестниц, осадных башен, катапульт и прочих орудий и приспособлений. Но официальная Венеция опоздала с участием в Первом крестовом походе. Поначалу куда больше, чем завоевания в Палестине, венециан-

ские власти заботила традиционная роль защитников Византийской империи.

В 1098 году из Пизы на Восток отплыла большая флотилия с крестоносцами на борту. Флотилия заняла Корфу, бывший тогда византийской территорией. На острове крестоносцы перезимовали. В 1099 году такая же большая флотилия отправилась в путь из Венеции. Зимовать пришлось на Родосе, либо потому, что благоприятное время года заканчивалось, а венецианцы еще следовали старинной привычке избегать зимних штормов, либо потому, что их больше занимало Эгейское море и они не хотели уступать его пизанцам. Родос служил начальным пунктом отправления из Эгейского моря в Заморье, как европейцы тогда называли Сирию и Палестину, где крестоносцы основывали свои государства. Спустя какое-то время венецианцев догнали пизанцы. Они тоже надеялись перезимовать на Родосе. Венецианцы дали бой, в котором одержали победу. Они захватили много пленников и освободили их только после того, как те дали клятву, что не будут торговать в портах Романии, то есть во владениях греческого (византийского) императора. Романией те земли назывались потому, что считались продолжением Римской империи (см. карту 2). Побежденные пизанцы отправились дальше; соединившись с войском Боэмунда, они напали на удерживаемый византийцами город на севере Сирии.

Венецианцы не торопились покидать пределы Романии

даже после того, как пизанцы отплыли «в заморские страны»; они тянули время, надеясь украсть мощи Святого Николая, покровителя моряков, в честь которого недавно была освящена церковь на Лидо. Наконец, силой захватив мощи Святого Николая и других святых, они отправились в Палестину и весьма удачно добрались до Яффы, где не встретили своих конкурентов – генуэзцев и пизанцев. Некоторые предводители крестоносцев к тому времени почти буквально были на ножах. Официальному главе, Готфриду Бульонскому, подчинялись лишь немногие рыцари; он удерживал лишь один порт Яффу (пригород современного Тель-Авива). Готфрид Бульонский стремился как можно шире распространить свое влияние на побережье. Он не жалел обещаний, дабы заручиться помощью венецианцев. Так, венецианцам посулили торговые концессии во всех владениях Готфрида Бульонского. Венецианцы помогли его войску захватить Хайфу. Домой с богатой добычей флот вернулся тоже очень вовремя, в День святого Николая, 6 декабря 1100 года. В походе венецианцы провели ровно полтора года.

Карта 2

Венецианские купцы сразу же начали пользоваться правами, дарованными ими в Яффе, Хайфе и других местах. Правда, в течение следующих 20 лет им приходилось бороться с растущим влиянием короля Венгрии, который стремился распространить свою власть на далматинские города. Кроме того, в Нижней Адриатике возобновились стычки с норманнами. Военно-морскую поддержку крестоносцам оказывали не венецианцы, а главным образом их соперники. В частности, много экспедиций снаряжала Генуя. Ее флоти-

лии приходили на помощь крестоносцам, когда те захватывали прибрежные города в Сирии и Палестине. При взятии Сидона большую помощь крестоносцам оказали норвежцы, хотя там присутствовали и венецианские корабли. Сарацин победили не до конца. Они продолжали удерживать два главных палестинских порта: Аскалон, основную базу египтян в Южной Палестине, и Тир, у палестино-сирийской границы.

Летом 1123 года в Яффа прибыл особенно хорошо оснащенный венецианский флот под водительством дожа Доменико Микеле. Тогда Яффа и с суши, и с моря осаждали египтяне. Правда, к приходу венецианцев осаду уже сняли, но венецианцы погнались за кораблями египтян. Чтобы склонить египтян к битве, дож выдвинул вперед особую эскадру, состоявшую из самых тяжелых судов. В авангард входили четыре крупных торговых судна с припасами и несколько тяжелых галер, которые называли «кошками». Египтяне, как и рассчитывали венецианцы, приняли эту эскадру, состоявшую из высоких и тяжелых судов, за основную флотилию, на которой прибыли товары и паломники. Увидев, как эскадра на рассвете подходит к Аскалону с запада, мусульмане поспешно подняли паруса и бросились в атаку. Когда взошло солнце и туман рассеялся, оказалось, что это лишь авангард, а за ним идет основной венецианский флот, состоявший из сорока галер. Галера, на которой находился дож Микеле, пробила и перевернула флагманский корабль египтян, где стоял египетский флотоводец – по крайней мере, так пи-

шет Вильгельм Тирский, летописец Крестовых походов. По его словам, началась такая резня, что море на 2 мили вокруг окрасилось в красный цвет. Одержав победу, венецианский флот отплыл на юг, к Египту. И здесь венецианцам сопутствовала удача – по пути в Аскалон они захватили несколько торговых кораблей, везших золото, серебро, а также перец, корицу и прочие специи.

Несмотря на уже полученную богатую добычу, венецианцы поддержали рыцарей Иерусалимского королевства в осаде Тира и оставались там до июля 1124 года, когда город пал. После потери Тира мусульмане лишились военной базы к северу от Аскалона. Венецианцы, бесспорно, помогли крестоносцам получить власть над побережьем. В порты Иерусалимского королевства прибывали подкрепления с Запада. Они также превратились в центры товарообмена между Европой и Азией.

Битва при Аскалоне знаменует собой начало владычества Венеции в Восточном Средиземноморье. Впрочем, на первых порах венецианцы по-прежнему считали более надежным источником дохода грабежи, а не охрану торговых судов. Они пользовались своим положением, главным образом грабя Византийскую империю, которую до тех пор защищали. Правда, венецианцы перешли от защиты к грабежам лишь после того, как византийский император, сменивший Алексея I, попытался отобрать у них дарованные Алексеем привилегии, полученные за помощь против норманнов. Сам

Алексей начал выказывать благосклонность пизанцам; когда же его наследник в 1118 году отказался продлить дарственный акт Алексея венецианцам, те заподозрили, что он желает поставить их в равные условия с пизанцами и настроить одну итальянскую морскую державу против другой. Однако в то время пизанцам было не до владычества в Ионическом и Эгейском морях; они ожесточенно сражались с Генуей за Корсику. Венецианский флот, который помог крестоносцам одержать славную победу при Аскалоне, грабил Греческие острова и направляясь в Аскалон, и на обратном пути. Заодно венецианцы захватили на острове Хиос мощи святого Исидора. На кораблях дожа Доменико Микеле имела́сь какая-то добыча из Палестины, но основную часть груза составляло награбленное в Романии. Подобные «подвиги» призваны были убедить византийского императора в необходимости продлить исключительные привилегии венецианцев.

Грабеж Византийской империи всегда был второй по важности целью венецианцев, по крайней мере, с точки зрения их правительства. Венецианская политика во многом основывалась на эксплуатации Романии через особые торговые привилегии. Поэтому венецианцы, сражавшиеся с норманнами и другими ради сохранения Византийской империи, в то же время готовы были вступить в бой с византийцами – не только из-за богатой добычи, но и ради того, чтобы вынудить Византию продлить срок действия своих привилегий. Весь

XII век венецианский флот использовался то с одной, то с другой целью, а иногда преследовал обе цели сразу. Усиливались взаимные ненависть и презрение греков и венецианцев. В 1148 году, когда венецианцы в очередной раз заключили союз с греками против норманнов и объединенный флот пытался отвоевать Корфу, между греческими и венецианскими моряками завязалась драка. Венецианцы намеренно оскорбили самого императора Мануила Комнина, одев раба в императорскую мантию и водя его по корме захваченной галеры. Они высмеивали церемонии византийского императорского двора, считавшиеся священными ритуалами.

Несмотря на такое оскорбление, Мануил Комнин еще много лет продолжал заключать союзы с венецианцами, так как нуждался в их помощи против норманнов. В то же время он всячески старался подорвать позиции Венеции в Адриатике. В 1171 году он сделал решительный шаг. Несмотря на неоднократные заявления о нерушимой дружбе, по приказу Мануила внезапно арестовали всех венецианцев, проживавших в Византийской империи. Их имущество было конфисковано. Венецианцы в ответ повторили прием, который так хорошо сработал за полвека до того. Их флот вошел в Эгейское море; они собирались грабить греческие города до тех пор, пока император не подчинится. Флотом командовал еще один представитель семьи Микеле, дож Витале II. Несмотря на то что греческий флот не вышел навстречу, дож Витале II не спешил нападать. Он вступил с Мануилом в пе-

реговоры о судьбе нескольких тысяч венецианцев, ставших заложниками Византии. Тем временем среди моряков началась эпидемия. В 1172 году венецианцам пришлось вернуться домой. Вместо богатой добычи они привезли с собой чуму. В Венеции вспыхнул мятеж, во время которого дож был убит.

Его преемник, Себастьяно Дзиани, богатейший житель Венеции, позволил отдельным жителям Венеции снаряжать корабли для грабежа романских городов. Официальные же усилия сосредоточились на другом. Важно было утвердить владычество Венеции на Адриатике. В то же время первый дож из семейства Дзиани так искусно выстроил международные отношения Венеции, что преемники Мануила возобновили и продлили привилегии для венецианцев. Впрочем, следует отметить, что привилегии получили и конкуренты Венеции в Италии, и различные итальянские колонии в Константинополе. Обитатели колоний часто сражались друг с другом и с местными жителями: греки изливали свою ненависть к привилегированным итальянцам.

Периодическим волнениям и стычкам в Константинополе соответствовали морские сражения. К концу XII века пиратство стало всеобщим. Ионическое и Эгейское моря особенно часто бороздили генуэзцы, сицилийцы, пизанцы, жители Анконы, а также сарацины, греки... и венецианцы. Последние охотились на торговые суда, которые можно было захватить без особых усилий, и совершали набеги на прибрежные

города ради ценностей и рабов. Почти все войны того периода были, по сути, такими же пиратскими набегами, только более широкомасштабными; их вели те же капитаны и экипажи кораблей, которые всегда предпочитали выгодный набег невыгодной битве с другим военным флотом.

С распространением пиратства в Эгейском море изменился характер средиземноморской работоторговли. Многие греки попадали в рабство не только на море, но и в результате набегов на незащищенные прибрежные города. Особенно часто в неволю попадали женщины и дети.

Возможно, и не стоит называть пиратами всех охотников за рабами и легкой наживой. В отличие от откровенных морских разбойников они в какой-то мере ограничивали аппетиты своими политическими симпатиями и антипатиями, как позже поступал Фрэнсис Дрейк. При этом, в отличие от каперов, они не получали официального разрешения со стороны своего правительства. Их действия вовсе не обязательно были направлены против вражеской страны, даже если кого-то из них хватали и вешали. Но ни одна из сторон не предпринимала серьезных мер против своих подданных, промышлявших пиратством, так как все считали, что с их подданными обошлись несправедливо и они вправе мстить. Лихой вояка-капитан, который «немного увлекался», пользовался всеобщим восхищением и сочувствием у себя на родине.

Самые значительные военно-морские сражения последних десятилетий XII века происходили у побережья Пале-

стины. В 1187 году, после победы Саладина при Хаттине, Иерусалимское королевство было почти полностью уничтожено. Христиане сохраняли власть лишь в нескольких прибрежных городах, да и их можно было удерживать лишь при поддержке с моря, что стало временно невозможным после победы египетского военного флота Саладина. Положение на море было восстановлено после того, как в Палестину во главе флотов прибыли Филипп-Август Французский и Ричард Львиное Сердце. Их экспедиции, получившие название Третьего крестового похода, помогли сохранить в руках христиан части Палестины вокруг Акры. Доставлять крестоносцев к месту событий по морю подряжались итальянцы. Среди них были и венецианцы, однако они не приняли сколько-нибудь значимого участия в Третьем крестовом походе. Военные силы требовались венецианцам ближе к дому. Куда больше Святой земли их заботили торговое соперничество со стороны объединившихся Пизы и Анконы, жадность сицилийцев и норманнов, амбиции Гогенштауфенов и уловки греков.

Четвертый крестовый поход

Успехи Венеции во многом определялись сочетанием настойчивости в достижении целей и политической гибкости. Венеция стремилась усилить свою власть на море и тем самым заложить основы для торговой экспансии. Поскольку

население города в то время, по данным переписей, не превышало 100 тысяч человек, действовать с позиции силы Венеция не могла. Более того, тогдашнее военно-политическое положение часто и стремительно менялось, и Венеция не способна была повлиять на ситуацию. Успех зависел от приспособляемости. Гибкость венецианцев и их умение применяться к обстоятельствам успешнее всего проявились во время Четвертого крестового похода, ставшего поворотным пунктом в истории Венеции.

О начале похода было объявлено на турнире в Шампани, куда собрался весь цвет французского рыцарства. Среди прочих выразил готовность отправиться на Святую землю Тибо III, граф Шампани. Рыцари отправили в Венецию посольство под предводительством Жоффруа Виллардуэна. Послам поручили вести переговоры о доставке крестоносцев на Святую землю. Венецианцы, генуэзцы и представители других приморских городов и раньше выделяли по нескольку кораблей для переправки в Палестину рыцарей-крестоносцев, поскольку морской путь был предпочтительнее долгого сухопутного, избранного во время Первого крестового похода. Послы из Шампани обещали венецианцам весьма выгодные условия. Они рассчитывали к 1202 году собрать в Венеции войско численностью 33 500 человек. За 85 тысяч марок серебром венецианцы должны были доставить французских крестоносцев на Святую землю и обеспечить оружием и провиантом 4500 рыцарей и их коней, 9 тысяч оруже-

носцев и 20 тысяч пехотинцев. Для перевозки такой огромной армии требовалось около 200 кораблей. Для обеспечения экспедиции венецианцам пришлось бы привлечь почти все свои ресурсы. Со стороны Венеции переговоры вел сам дож. Он выдвинул встречные условия. В обмен на половину всей добычи, захваченной на суше и на море, венецианцы предоставляли крестоносцам дополнительно 50 полностью оснащенных вооруженных галер сроком на год. Для обслуживания 50 галер требовалось около 6 тысяч человек. Хотя матросов и гребцов можно было нанять на Истрии и в Далмации, все же не менее половины всех годных к военной службе венецианцев должны были год служить крестоносцам – либо на галерах, либо на кораблях, перевозивших рыцарей.

Венецианцы построили корабли и к лету 1202 года подготовили их к отплытию. Для перевозки лошадей предусмотрели специальные широкие носовые люки, чтобы можно было заводить лошадей в трюмы прямо с причала. Виллардуэн пришел в восторг от того, как венецианцы выполняли условия договора: «...корабли, которые они подготовили, были столь большими и красивыми, что никогда еще христианин не видел кораблей больше и красивее; также и галеры... способные вместить людей по меньшей мере в три раза больше, чем имелось в наличии». Вместе с тем Виллардуэн испытывал беспокойство и смущение из-за того, что крестоносцы, от имени которых он вел переговоры, оказались не в состоянии в полной мере оплатить зафрахтованные корабли

и снаряжение. Сумму 85 тысяч марок серебром собрать не удалось. К тому времени граф Шампани умер, одни рыцари предпочли остаться дома, другие частным образом договорились, что отправятся в поход из других портов. Вместо 33 500 крестоносцев набралось всего лишь около 10 тысяч. Они собирались на Лидо, ожидая отправки. После того как собравшиеся заплатили все, что могли (самые богатые рыцари продали даже свои золотые и серебряные блюда), крестоносцы оставались должны венецианцам еще около 34 тысяч марок.

Исполненные неумеренного рвения Виллардуэн и его спутники явно переоценили силы и возможности крестоносцев. Кроме того, судя по всему, они просто не умели оперировать крупными суммами. Последнее становится очевидным из нескольких сравнений. Короля Франции, Филиппа II Августа, в Третьем крестовом походе сопровождали лишь 650 рыцарей и 1300 оруженосцев, а в величайшей в годы его правления битве при Бувине он для защиты своего королевства, по разным оценкам, собрал армию численностью от 7 до 12 тысяч. В то же время Виллардуэн вел переговоры о перевозке армии в 30 с лишним тысяч человек! Сумма 85 тысяч марок серебром представляется не менее фантастической; ее хватило бы на выплавку 60 тысяч фунтов стерлингов, что почти вдвое превышало ежегодный доход короля Англии или короля Франции.

С венецианской стороны переговоры об отправке армии

вел дож Энрико Дандоло. Он же отвечал за приготовления к походу. Дождю к тому времени разменял седьмой десяток и ослеп, однако оставался авторитетным правителем, который искусно вел переговоры. Он занимал ведущее положение и в совете с высшими представителями феодальной знати. Возможно, он понимал, что Виллардуэн и другие посланники переоценивают возможности крестоносцев и дело кончится огромным долгом, который рано или поздно придется сплести. Дождь знал и способы, с помощью которых рыцари могли вернуть долг или хотя бы отсрочить выплату. В то время у Венеции появился еще один соперник, стремившийся к независимости и заручившийся поддержкой Венгрии. Таким соперником стал город Задар, или Зара. Неизвестно, в самом ли деле предводители венецианцев намеревались отправить весь свой военно-морской флот на войну в Заморье, не попытавшись с помощью гостей-крестоносцев вначале упрочить свое положение на Адриатике. Дождь Дандоло великодушно предложил крестоносцам отсрочить платеж и отдать его из добычи, собранной в походе. Заодно он попросил крестоносцев о помощи в усмирении Зары. Многим рыцарям отсрочка похода не понравилась; еще меньше пришлось им по вкусу предложение напасть на христианский город. Однако предводители крестоносцев чувствовали себя должниками венецианцев. Кроме того, они не знали, как им иначе попасть на Восток. Им удалось убедить остальных. Тысячи венецианцев и сам дож изъявили желание присоединиться

к походу. Венецианцы «начали готовить грузовые корабли и галеры... к отплытию... О боже! Каких красивых лошадей туда погрузили! – писал Виллардуэн, с радостью вспоминая ту сцену. – А когда на корабли доставили оружие, припасы и палубы заполнились рыцарями и оруженосцами, по бортам заблестали щиты, а на мачтах развевались многочисленные знамена».

С тем же воодушевлением Виллардуэн описал высадку в Заре: «Многочисленные рыцари и оруженосцы выходили из кораблей и выводили добрых коней... они раскинули множество богатых шатров и палаток». Зара вскоре пала и была разграблена, но наступил ноябрь 1202 года, и дальнейшее продвижение пришлось отложить до весны.

Во время зимовки 1202/03 года в Заре решено было снова отклониться от маршрута. Изменение планов было связано с интересами Венеции и имело для всех куда более серьезные последствия, чем осада Зары. Венецианцы предложили крестоносцам плыть в Константинополь и посадить на византийский престол претендента, называемого «молодым Алексеем», – сына свергнутого императора Исаака II Ангела. Дабы заручиться поддержкой западных рыцарей, «молодой Алексей» сулил вернуть Византийскую империю в подчинение папе римскому, заплатить крестоносцам 200 тысяч марок серебром и оплатить еще год морского похода. Кроме того, он обещал также принять участие в крестовом походе на Святую землю на следующий год – во всяком случае,

предоставить армию из 10 тысяч греков.

Почему крестоносцев уговорили не сразу следовать на Святую землю и почему они согласились идти на Константинополь? Византийских императоров подозревали в тайном сговоре с Саладином, как оно и было на самом деле. Таким образом, для того, чтобы укрепить северо-восточную часть Средиземноморья, имелись некоторые стратегические основания. Но куда более сильными оказались личные и династические амбиции. После смерти графа Шампани крестоносцы избрали своим предводителем Бонифаса (Бонифация) Монтферратского. Братья Бонифаса давно обосновались на территории Византийской империи, сам он также считал, что имеет право на ее часть, а именно на область вокруг Салоник. Кроме того, Бонифас был другом императора Священной Римской империи Филиппа Швабского, своего сюзерена, который, в свою очередь, состоял в свойстве с «молодым Алексеем». Скорее всего, до того, как сулить крестоносцам золотые горы, Алексей успел договориться с Бонифасом и Филиппом, и те решили, что захват Константинополя вполне отвечает их интересам.

Возможно, о существовании «заговора» было известно венецианскому дожу. Во всяком случае, он не отнесся к нему враждебно. Всего за три года до похода византийский император продлил договор, по которому венецианцам даровались широкие привилегии. Вместе с тем такие же привилегии он даровал пизанцам и генуэзцам, а с венецианцев,

несмотря на договор, взимал пошлину. После 1171 года, когда Мануил захватил всех венецианцев в заложники и конфисковал их имущество, и после народного избиения латинян, случившегося через несколько лет после того, венецианцы в Константинополе не чувствовали себя в безопасности. Дож Энрико Дандоло успел на своем горьком опыте убедиться в том, что греки относятся к латинянам не лучшим образом. Хотя летописные сведения, по которым греки якобы выжгли ему глаза стеклом, чем и объясняется его слепота, не соответствуют действительности, Дандоло принимал участие во многих переговорах с византийцами, не принеся плодов. Да и сам по себе рассказ о его ослеплении свидетельствует о растущих ненависти и недоверии между греками и венецианцами.

Когда о «побочном походе» в Константинополь узнали франки Иерусалимского королевства, с нетерпением ждавшие долгожданной помощи, пошли слухи, что венецианцев с самого начала подкупил египетский султан, дабы отвлечь крестоносцев от своих владений. Об этом сообщает один палестинский летописец, но других доказательств сговора венецианцев с Египтом нет. Политика Венеции в предшествующее столетие, однако, позволяет задаться вопросом, в самом ли деле Венеция намеревалась увести свой военный флот из Романии и отправить все боеспособное население на захват Египта или отвоевание Палестины. На протяжении целого века Венеция подчиняла все прочие цели одной,

главной: сохранению за собой особого места в Византийской империи. В самом ли деле венецианцы собирались в сложном для них 1202 году оставить Романию ради захвата новых «заморских» областей? Дожд Дандоло подписал договор с Виллардуэном и другими посланниками до того, как крестоносцы выбрали своим предводителем Бонифаса, и до того, как объявился «молодой Алексей» со своими посулами. Кроме того, в договоре с крестоносцами не указано точное место военных действий. Возможно, Дандоло надеялся на то, что какие-либо препятствия помешают венецианскому флоту сочетать действия на юго-востоке Средиземноморья с действенной поддержкой венецианских интересов в Романии, как было во время походов 1099–1100 и 1122–1124 годов. Дожд мужественно, решительно и вместе с тем гибко обратил к выгоде венецианцев возникшие в то время обстоятельства.

Карта 3

Многих рыцарей возмутило решение двигаться обходным путем через Константинополь, и они отправились напрямик в Палестину. И все же весной 1203 года из Адриатики вышел внушительный флот. Корабли приблизились к Константинополю в июне, очень вовремя для «молодого Алексея». Греки не соглашались добровольно признать его своим императором. Никогда еще со времен своего основания Константинополь не подвергался столь мощному натиску иноземной армии. С запада его защищали двойные стены, а с трех остальных сторон – стены вдоль воды. Однако от ви-

зантийского флота, защищавшего город на протяжении многих опасных столетий, осталось всего двадцать сгнивших и поеденных жучком суден, неспособных тягаться с венецианскими кораблями. Чтобы получить опорную точку для нападения, крестоносцы захватили Галату, пригород к северу от Константинополя, отделенный от города устьем небольшой реки. Это устье образовало внутреннюю гавань Константинополя, называемую Золотым Рогом из-за своей формы и богатства собиравшихся там грузов (см. карту 3). Греки перекрыли эту внутреннюю бухту большой цепью, но цепь порвали после того, как рыцари овладели Галатской крепостью. Венецианские галеры вошли в Золотой Рог, пока рыцари продвигались по ее северному берегу.

Закрепившись в Галате, крестоносцы столкнулись с новой задачей. Как нападать на город – по воде, через бухту Золотой Рог, или по суше, обойдя бухту с запада? Более того, им пришлось решать эту задачу дважды, в июле 1203 и апреле 1204 года, ибо после того, как греки, испугавшись нападения, посадили на трон «молодого Алексея», оказалось, что последний не в состоянии выполнить свои обещания. У крестоносцев оставалось два выхода: смиренно убираться прочь и в уменьшившемся количестве продолжать Крестовый поход в Святую землю – или захватить город для себя.

Во время первого штурма, в июле 1203 года, после которого греки согласились признать «молодого Алексея» императором, французские рыцари настояли на том, чтобы на-

пасть на Константинополь с суши и сражаться верхом, как подобало им по статусу. Кроме того, в такого рода сражениях они имели основания считать себя непобедимыми. Энрико Дандоло призывал вести атаку с кораблей, через бухту Золотой Рог, ибо венецианцы отлично умели превращать свои суда в осадные орудия. Правота догадки подтвердилась после того, как рыцарей, напавших на город с северо-запада, разбила прославленная варяжская дружина, служившая византийцам и состоявшая из англосаксонских и датских наемников. В то же время венецианцы, нападавшие с моря, захватили несколько башен. На летописца из Шампани произвели большое впечатление искусство и храбрость венецианцев, особенно Энрико Дандоло. Несмотря на преклонный возраст и слепоту, дож «стоял в полном облачении на носу своей галеры и держал перед собой знамя святого Марка. Он приказывал матросам как можно скорее спустить его на берег, грозя, что иначе он пройдет по их трупам; поэтому его галеру быстро подвели к берегу, и команда высадилась с его знаменем. За ним последовали все венецианцы: плывшие на транспортных кораблях всадники вывели лошадей на берег, а те, кто плыли на больших судах, сели в шлюпки и без труда добрались до суши». В воздухе свистели камни и стрелы. Венецианские матросы перебирались с мачт своих кораблей на крепостные стены. После того как венецианцы захватили двадцать пять башен и греки пошли в контратаку, Дандоло приказал поджечь стоявшие рядом со стеной дома, и север-

ный ветер понес пламя в сторону нападавших. Дождь послал помощь окруженным французским рыцарям, в том числе захваченных у противника лошадей.

Во время второго штурма, в апреле 1204 года, когда защитники города упорнее противостояли крестоносцам, венецианцы в полной мере продемонстрировали, на что они способны при осаде. Им и раньше, во время пиратских набегов, удавалось захватывать укрепленные города, например Курцолу в 1000 или Тир в 1124 году; более того, такие операции были для них привычнее, чем морские сражения с вражеским флотом.

Рыцари рассчитывали без труда победить в рукопашной схватке, но успех сражения гораздо больше зависел не от них, а от плотников, соорудивших осадные орудия. Плотники входили в экипажи кораблей. Матросы же умели очень ловко взбираться по непрочным штурмовым лестницам. Для захвата Константинополя венецианцы изготовили не только обычные штурмовые лестницы, тараны и катапульты, но и штурмовые платформы на мачтах своих кораблей. У них имелись веревочные лестницы, с помощью которых они могли с этих платформ спрыгивать на стены. Из брусьев делали так называемые летучие мосты, и с их помощью спрыгивали с палубы или мачт на вражеские башни. В качестве защиты от прославленного греческого огня они покрывали деревянные корабли пропитанными водой тряпками и шкурами.

Хотя, как оказалось, у защитников города не было гре-

ческого огня, в ходе осад огнем пользовались часто. В результате поджогов, вроде того, что приказал устроить Дандоло в июле 1203 года, выгорела большая часть города. Греки также предприняли несколько попыток сжечь венецианские корабли. Однажды ночью они подожгли несколько старых хеландий, заполненных смолой, паклей и другими горючими материалами. Ветер и течение отнесли горящие хеландии к кораблям венецианцев. Проснувшиеся венецианцы принялись захватывать горящие суда крючьями и разворачивать их, чтобы течение отнесло их на безопасное расстояние; корабли, которым угрожала опасность, они снимали с якоря, изолируя те, что уже загорелись. Две попытки сжечь флот окончились без каких-либо серьезных потерь. Зато от пожаров на берегу выгорела половина города.

Во время второго штурма в апреле 1204 года крестоносцы прислушались к совету дожа и напали на Константинополь с моря, через Золотой Рог. Защитники города также готовились к нападению: они строили деревянные башни и платформы над стенами, которые были выше кораблей. Многим атакующим судам не удалось подойти достаточно близко к городским стенам; воинам на борту пришлось сойти на берег и подниматься по штурмовым лестницам. После нескольких часов упорных боев крестоносцы дрогнули и отступили в Галату. Некоторые из них затем предлагали напасть на город с востока, там, где стены были не так высоки, но венецианцы выступили против. Они знали, что в тех местах южное

течение из Босфора настолько сильно, что невозможно удерживать корабли на месте. Два дня крестоносцы отдыхали, чинили и улучшали осадные орудия и планировали другое, более организованное нападение. Самые крупные транспортные суда связали вместе попарно, чтобы они были устойчивее во время штурма башен. До полудня атака шла довольно вяло, но потом усилился ветер. Один из кораблей накрепился, и два человека, венецианец и французский рыцарь, сумели спрыгнуть с «летающего моста» на верхушку одной из башен, развернуть там свои знамена и обвязать канат вокруг зубца; к ним на помощь поспешили другие. Рыцари же поднялись на стену по штурмовым лестницам. Башня была взята, и дело пошло быстрее. Вскоре открыли городские ворота, оруженосцы вывели из транспортных кораблей коней, рыцари сели верхом и проскакали по улицам города, подавляя всякое сопротивление.

За этим последовали три дня убийств, грабежей, насилия и святотатства. Дома и церкви были разграблены до основания. Когда Бонифас Монтферратский перешел к дележу добычи, награбленное оценили в 400 тысяч марок и 10 тысяч единиц доспехов. Конечно, помимо этого многое удалось утаить. Крестоносцы без труда отдали причитавшийся венецианцам долг и положенную им по договору половину добычи. Четыре бронзовых коня, которые когда-то стояли на триумфальной арке в Риме, затем красовались над ипподромом в Константинополе, а теперь стоят перед собором Святого

Марка, служат доказательством того, как умело венецианцы выбирали свою долю.

Кроме того, они забрали из Константинополя некоторые священные реликвии. Многими крестоносцами двигала вера в спасительную ценность таких реликвий, и венецианцы ее полностью разделяли. Во время Первого крестового похода, победив соперников-пизанцев, венецианцы захватили мощи святого Николая. После взятия Тира они привезли на родину камень, на котором, как считалось, молился Всевышний. В 1204 году основную массу реликвий, собранную греческими императорами в Константинополе за века своего правления, разделили между завоевателями. В собор Святого Марка в Венеции попали, в том числе, частица Животворящего Креста и фрагмент головы Иоанна Крестителя.

Империя военно-морских баз

*И часовым для Запада была,
И мусульман надменных подчинила.*

*У. Вордсворт. На ликвидацию Венецианской
республики*

Уничтожение Византийской империи не входило в планы ни рыцарей-крестоносцев, ни венецианцев. Однако, поняв, что «молодой Алексей» не может и не хочет выполнять свои обещания и им придется либо уходить с пустыми руками, ли-

бо захватить Византийскую империю, они не колеблясь выбрали второй вариант и заключили новый договор. На сей раз речь шла об учреждении нового имперского правительства. В договоре утверждалось, что нового императора Востока следует избирать комитетом, состоящим из шести венецианцев и шести крестоносцев. Бонифас надеялся, что императором изберут его, но, поскольку он был давним союзником генуэзцев, все венецианцы проголосовали за Балдуина Фландрского, которого и выбрали императором. Правда, владения новоизбранного императора составляли лишь четверть империи, остальные земли поделили поровну венецианцы и рыцари-крестоносцы. Таким образом, Венеции досталось $\frac{3}{8}$ империи. Теперь к титулу дожа добавились слова «владыка четверти и полчетверти Латинской империи».

Все полученные таким образом земли, в том числе и доля императора, делились на лены и раздавались за военные заслуги. Все феодалы обязаны были принести присягу на верность императору, хотя дожа Венеции от такой присяги освободили. Так как императора выбрали из числа рыцарей, венецианцам позволили выбрать нового патриарха в качестве главы церкви латинской веры, которую учреждали в империи. И во влиятельном императорском совете, наряду с крупнейшими феодалами, были представлены предводители венецианской колонии в Константинополе. Латинской империи Константинополя, в силу самого ее основания, не суждена была долгая жизнь, но, пока она существовала, у вене-

цианцев имелись все основания полагать, что ее правительство благосклонно отнесется к их интересам.

Новая власть подтвердила все привилегии и владения, дарованные венецианцам прежними императорами Византии; на сей раз венецианцы не сомневались в том, что обещания будут сдержаны. Кроме того, венецианцы потребовали, чтобы на территорию Латинской империи не допускались граждане государств, находящихся в состоянии войны с Венецией. Можно сказать, что венецианцы «конституционным образом исключили своих врагов из конкурентной борьбы».

При распределении территорий венецианское правительство стремилось приобрести важные опорные пункты для поддержания власти на море. Искусно проведенный раздел между императором, рыцарями-крестоносцами и венецианцами оказался во многом иллюзорным, ибо после разграбления Константинополя в 1204 году прежняя Византийская империя была, что называется, свободна для захвата. Большие ее куски достались властителям соперничавших с ней греческих городов-государств – Трабзона, Никеи и Эпира. Бонифас Монтферратский потребовал для себя Салоники с большой прилегающей территорией. Племянник Виллардуэна нашел союзников, с которыми намеревался захватить Пелопоннес, тогда называвшийся Мореей. Марко Сануто, племянник Энрико Дандоло, захватил остров посередине Эгейского моря и устроил на нем герцогство Наксоса, которое находилось в подчинении не у Венеции, но у Латинской

империи. Остается лишь гадать, какие части Византийской империи потребовал бы себе Энрико Дандоло, не умри он в 1205 году, или его сын и что досталось бы Венеции. Премник Дандоло, Пьетро Дзиани, сосредоточился на установлении власти Венецианской республики над стратегическими частями империи на море. Он основал несколько военно-морских баз. Верный политике, которую Венеция упорно проводила на протяжении многих веков, Дзиани интересовался не столько данниками, сколько владычеством над морями, в которых ходили венецианские торговые корабли.

Самой важной базой стал, конечно, сам Константинополь, от которого венецианцам досталось $\frac{3}{8}$, в том числе район арсенала и доков. Венецианская колония, в которую входили и полиглоты из числа местного населения, насчитывала тогда несколько десятков тысяч человек. Колония имела собственный флот; в нескольких случаях венецианская эскадра в количестве от 10 до 25 галер успешно защищала город от кораблей, посылаемых властителем соперничающей Nikei.

Почти таким же важным со стратегической точки зрения был остров Крит, расположенный между юго-западным и юго-восточными входами в Эгейское море и лежащий на прямом пути из Ионического моря в Египет и Сирию. Ради того, чтобы получить Кипр, венецианцы заплатили наличными и уступили права на большую территорию. Помимо этого, им пришлось сражаться за Кипр с генуэзским пиратом Энрико Пескаторе, то есть Рыбак, называвшим себя гра-

фом Мальтийским, который в то время опирался пусть и не на прочную, но поддержку Генуи и греков. Терпя узурпаторов во многих частях империи, переданных им в счет их ^{3/8}, венецианцы сосредоточили силы на захвате Крита. Чтобы ускорить завоевание острова, они поделили его на крупные и мелкие лены (феодалные поместья), которые раздавались во владение венецианцам. Сотни венецианцев переселились на Крит, где получили земельные владения. Некоторые из них, торговцы, обосновались в столице Крита, Кандии (ныне Ираклион).

Венеция прочно утвердилась и в северной части Эгейского моря. Она получила остров Негропонте, то есть «Черный мост», расположенный между классической Эвбеей и материком. Постепенно венецианцы сделали Негропонте своей основной базой в Эгейском море между Критом и Константинополем. В Ионическом море венецианцы приобрели и укрепили Модон и Корон на южной оконечности Мореи. Модон и Корон называли «двумя глазами Венецианской республики»; всем судам, возвращавшимся из Леванта, надлежало заходить туда, чтобы узнавать новости и, в свою очередь, сообщать известия о пиратах и торговых караванах. На северной оконечности Ионического моря венецианцы в 1206 году заняли Корфу, который, впрочем, вскоре вернули. Почти весь XIII век им приходилось зависеть от Рагузы, в тот период верного вассала Венеции. Рагуза считалась основной базой для венецианских кораблей, выходивших в Адриати-

ку.

Хотя в цепи военно-морских баз имелись слабые звенья, колониальная империя, доставшаяся Венеции после Четвертого крестового похода, в сочетании с привилегированным положением в торговле и в правительстве Латинской империи Константинополя, а также власть над Далмацией, упрочившаяся после того, как Энрико Дандоло подчинил Зару, предоставили венецианцам неоспоримое преимущество в Восточном Средиземноморье.

Устройство морской державы

Глава 5. Корабли, их экипажи и команды

Власть, которую получила Венеция в Восточном Средиземноморье после Четвертого крестового похода благодаря дальновидной политике дожа Энрико Дандоло, основывалась главным образом на достижениях венецианцев в судостроении. Они строили как военные, так и торговые корабли. Именно высокая стадия развития судостроения позволила Энрико Дандоло заключить рискованный контракт с французскими рыцарями и так хорошо исполнить все условия договора, что поход окончился для венецианцев весьма выгодно. Корабли признавались бесспорной основой существования венецианцев; правительство республики запретило подданным продавать свои корабли иностранцам до тех пор, пока они не станут старыми и не прохудятся. Естественно, венецианцы должны были строить суда в Венеции, о чем им, впрочем, не требовалось напоминать, так как дома в избытке имелись и все нужные материалы, и квалифицированная рабочая сила.

И строительство таких кораблей, и управление ими под-

разумевали свободный труд. Необходимо подчеркнуть, что многочисленные ссылки на «средневековых галерных рабов» лишь вводят непосвященных в заблуждение. Галеры в таких средневековых республиках, как Венеция, Генуя и Пиза, управлялись вовсе не рабами. Гребля и участие в сражениях вменялись в обязанность гражданам, годным к воинской службе в силу своего гражданства, а также наемникам, получавшим жалованье. Разумеется, средневековые пираты иногда использовали пленников в качестве рабов на галерах, но красочные описания того, как били плетьюми гребцов, прикованных цепями к банкам, относятся в основном к XVII веку. К Средневековью рассказы о мучениях гребцов никакого отношения не имеют. Это становится ясно после осмотра кораблей, которые тогда использовались, и более пристально-го взгляда на особенности управления ими. Давайте же рассмотрим те задачи, с которыми сталкивались венецианцы в повседневной жизни.

Корабли и навигация

Обычно на торговых судах XII–XIII веков весла не использовались. В то время чаще всего строили крутобокие, так называемые «круглые», корабли. Длина такого корабля примерно в три раза превышала его ширину. Корабли оснащались двумя мачтами, на каждой из которых имелся треугольный «латинский» парус. Для того, чтобы быть достой-

ным званием «корабля», эти двухмачтовые суда с треугольными парусами должны были иметь по меньшей мере две палубы, кормовую и носовую надстройки (ахтеркастель и форкастель) и боевую платформу. Иногда для перевозки большого количества крестоносцев, паломников и купцов такие корабли, называемые нефами, строили очень большими. Некоторые летописцы называют их настоящими морскими замками. Одним из самых больших стал венецианский корабль водоизмещением около 500 тонн, получивший подходящее имя «Роккафорте», то есть «Крепость». По сегодняшним меркам корабль кажется крошечным, ведь обычное грузовое судно способно нести до 10 тысяч тонн груза, а большой танкер – не менее 100 тысяч тонн, но необходимо помнить, что корабль водоизмещением 500 тонн до XIX века считался очень большим. Британские корабли, ходившие в XVIII веке в Индию, были лишь немногим больше. Американцы, возможно, вспомнят, что водоизмещение «Мейфлауэра» составляло 180 тонн, а «Санты-Марии» Колумба – примерно 100 тонн. В Средние века суда водоизмещением более 200 тонн могли заходить в немногие крупные порты, в том числе в Венецию и Геную. Конечно, судов, подобных «Роккафорте», было мало; во всем Средиземном море их насчитывалось не более полудюжины. В 60-х годах XIII века у венецианцев было всего два таких гигантских судна, и примерно столько же – у Генуи, но в среднем водоизмещение стандартного двухпалубного грузового корабля, нефа, составля-

ло около 200 тонн.

Все корабли, даже самые крупные, управлялись рулевыми веслами с поперечным румпелем. На каждом судне имелось от 10 до 20 якорей с соответствующими по размеру тросами. Некоторые крупные торговые суда были трехмачтовыми, некоторые – двухмачтовыми, с латинскими парусами, крепившимися к рею, наклоненному вперед, почти такой же длины, как и корабль. Для каждой мачты готовили по нескольку парусов, но не крепили их один над другим, а пользовались ими попеременно. Большой треугольный парус, называемый артемон, крепили на фок-мачте при легком ветре. Если ветер усиливался, рею опускали, артемон снимали и поднимали небольшой парус из плотного холста, также треугольный.

Латинские паруса позволяли судну идти круче к ветру, чем допускали обычные во времена Античности квадратные паруса, но курс корабля можно было устанавливать не более шести, в лучшем случае не более 7 румбов к ветру. Большие «круглые» корабли, например «Роккафорте», допускали большой крен из-за давления ветра на высокие борта и надстройки. Большие преимущества в скорости имели более низкие, длинные, узкие однопалубные суда, называемые тареттами; обычно их водоизмещение не превышало 100 тонн. Хотя таретты были маневреннее и их, наряду с галерами, чаще использовали при доставке припасов из-за легкости в управлении, они оказывались не так защищены в открытом

море и не так пригодны в сражении, как двухпалубные нефы. В чем-то сходные с тареттами, но более тяжелые транспортные суда использовались для перевозки лошадей. В них были предусмотрены специальные широкие люки, благодаря которым лошадей вводили с пристани на судно и выводили на берег.

Кораблями, во многом противоположными таким «плавающим крепостям», как «Роккафорте», были галеры. Галеры – типичные представительницы «длинных» кораблей; их длина примерно в восемь раз превышала ширину. В XIII веке почти все галеры были биремами, то есть на каждой банке сидели рядом два гребца и каждый управлял отдельным веслом. Чтобы достичь наилучшего результата, весла опирались на аутригеры, вынесенные по бортам длинного узкого корпуса. Достоинствами галер считались скорость и маневренность. Они могли принять бой или бежать от любого противника, кроме других таких же галер. Из-за того, что галеры были однопалубными, на них можно было перевозить немного грузов, да и палуба поднималась примерно на два фута над килем, но в случае победы трюмы на галерах заполнялись связанными пленниками. Перевозить на галерах товары было сравнительно безопасно, но очень дорого.

При попутном ветре на галерах поднимали один или два треугольных паруса.

Особым видом гребных судов были так называемые бучинторо или буцентавры, буквально «золотые корабли», ши-

рокие галеры с декоративными надстройками, которыми пользовались лишь в церемониальных целях.

Даже легкие галеры или таретты, способные идти при встречном ветре, из-за медлительности подобного продвижения, во всяком случае во время торговых экспедиций, предпочитали ждать попутного ветра в порту. В тех широтах, где обычно плавали венецианцы, не было устойчивых сезонных ветров вроде муссонов и пассатов; правда, и переход от одного порта к другому не занимал много времени. С попутным ветром, даже при скорости 4 узла (средняя скорость, которую часто превышали) корабль способен был пройти 90 миль от Венеции до Паренцо (Пореча) на Истрии за день и ночь. Выходя из гавани Паренцо или Пулы в открытое море, судно при хорошем северном ветре могло за три дня добраться до Гаргано, расположенного более чем в половине пути по адриатическому побережью. Быстроходные корабли иногда доходили до самого Корфу менее чем за девять дней. Ветра на Адриатическом, Ионическом и Эгейском морях, где чаще всего ходили венецианские суда, были и остаются очень переменчивыми, но опытный лоцман, способный правильно истолковать погодные приметы, выбирал время отплытия, надеясь, хотя бы на несколько дней, на попутный ветер. Венецианцы предпочитали каботажные плавания не из-за того, что боялись открытого моря. Просто во время плавания галерам довольно часто требовалось заходить в порты, чтобы пополнять припасы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.